

591.9 D938A DURRE / ARK ON THE MOVE

C009701849

GERALD DURRELL

Ark on the Move

В своей новой книге «Ковчег в пути» Джеральд Даррелл ярко показывает бедственное положение находящихся под угрозой исчезновения видов, и рассказывает нам о серьезных последствиях для жизни и нашего будущего на Земле.

Лежащие к востоку от Лоренсу-Маркиша (сегодня Мапуту, столица Мозамбика) в Индийском океане, острова Маврикий и Мадагаскар создают экзотическое окружение для новой экспедиции Джеральда Даррелла. Эта захватывающая поездка также вдохновила на создание международного телесериала из тринадцати серий, основанных на спасении автором редких видов животных и последующих мероприятиях по их размножению.

Цветные фотографии «Ковчега в пути», первой щедро иллюстрированной книги Даррелла о его экспедиционной деятельности по спасению животных, создают великолепный фон для убедительного и увлекательного рассказа автора. Миллионы лет эволюционной изоляции создали на этих островах уникальную в мире флору и фауну.

«Ковчег в пути» показывает наиболее фундаментального Даррелла. Своим особым и восхитительным способом он развлекает, обучает и волнующе вызывает к нам всем об удручающем состоянии вымирающих в мире видов.

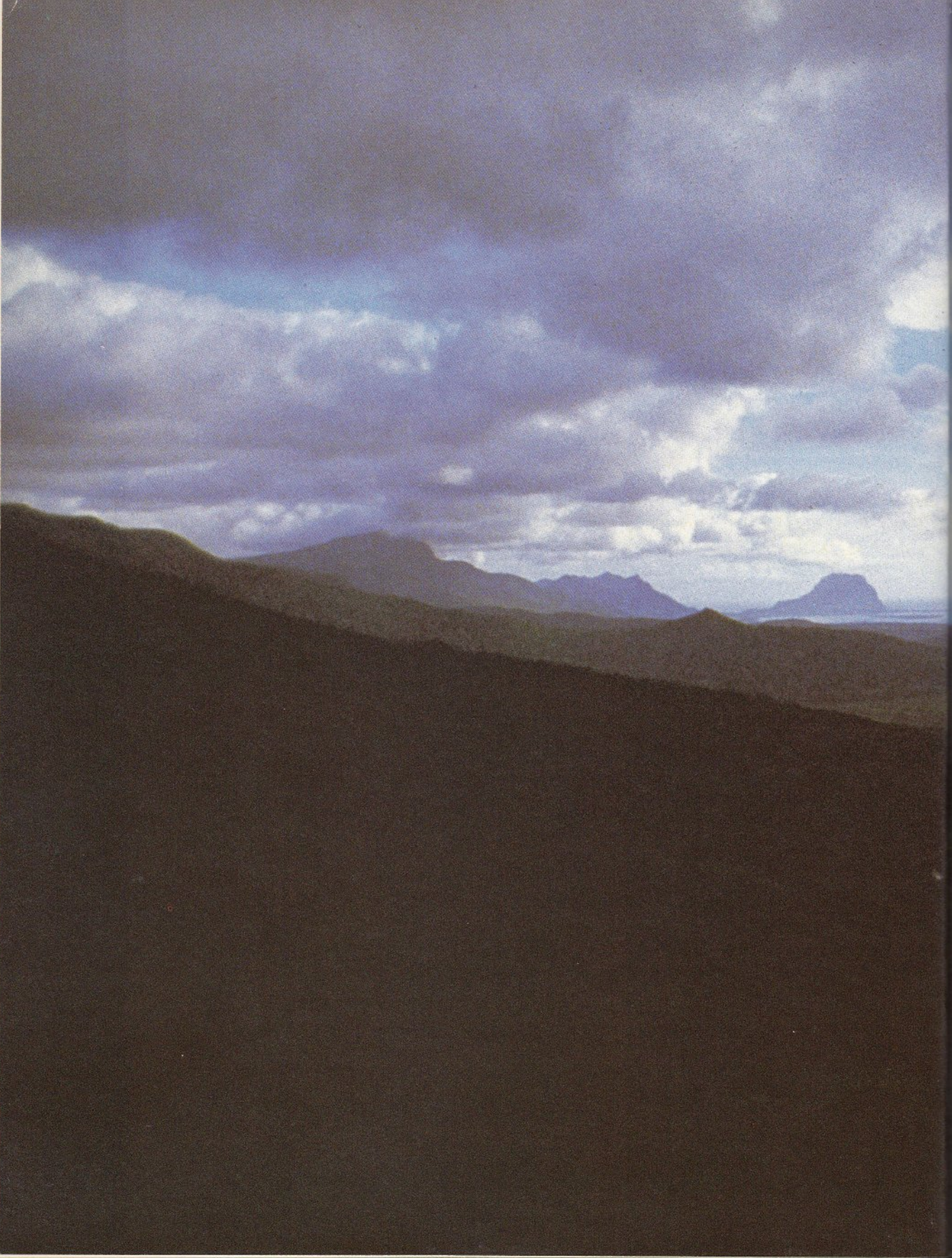

КОВЧЕГ В ПУТИ

Любительский перевод Валацуги (Беларусь)

ARK ON THE MOVE

AUG 9 1983

Gerald Durrell

Coward-McCann, Inc.
New York

Copyright © 1983 by Gerald Durrell.
All rights reserved. This book, or parts
thereof, may not be reproduced in any
form without permission in writing from
the publisher.

Published by
Coward-McCann, Inc.
200 Madison Avenue
New York, NY 10016

Conceived, edited and produced by
Nicholson Books
10 Price Street
Toronto, Ontario
Canada M4W 1Z4

**Library of Congress Cataloging in
Publication Data**

Durrell, Gerald Malcolm, 1925-
Ark on the move.

1. Zoology — Madagascar. 2. Zoology —
Mauritius. 3. Endangered species —
Madagascar. 4. Endangered species —
Mauritius. 5. Scientific expeditions —
Madagascar. 6. Scientific expeditions —
Mauritius. I. Title.

QL337.M2D87

1983 591.969'1 82-8261

ISBN 0-698-11211-3

Designed by Maher & Murtagh

Printed in Spain by Printer
industria gráfica s.a.
Barcelona D.L.B. 12823-1983

By the same author

THE OVERLOADED ARK
THREE SINGLES TO ADVENTURE
THE BAFUT BEAGLES
THE DRUNKEN FOREST
MY FAMILY AND OTHER ANIMALS
ENCOUNTERS WITH ANIMALS
A ZOO IN MY LUGGAGE
THE WHISPERING LAND
TWO IN THE BUSH
BIRDS, BEASTS AND RELATIVES
FILLETS OF PLAICE
CATCH ME A COLOBUS
BEASTS IN MY BELFRY
THE STATIONARY ARK
THE AMATEUR NATURALIST
ROSY IS MY RELATIVE
THE MOCKERY BIRD
THE NEW NOAH
ISLAND ZOO
LOOK AT ZOOS
MY FAVOURITE ANIMAL STORIES
THE DONKEY RUSTLERS

*Посвящается
профессору Ролану Альбиньяку,
также известному как
Профессор «Нет Проблем»,
без чьей помощи мы мало бы чего достигли.*

Tacoma Public Library

Содержание

Предисловие - 12

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Посадка на могиле дронта - 17

Экспедиция отправляется с острова Джерси на тропический остров Маврикий, чтобы попытаться спасти красивых розовых голубей от вымирания. За живущими в верхнем ярусе дикого леса розовыми голубями ведется наблюдение и некоторые из них были отловлены для разведения в неволе на Джерси. С оптимизмом следует отметить судьбу самой редкой хищной птицы в мире – маврикийской пустельги, находящуюся под угрозой исчезновения.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Умирающий остров - 33

Авантюрная высадка совершается на остров Круглый, где сцинки Тэлфера и гекконы Гюнтера находятся на грани вымирания. Это единственное место в мире, где их можно найти. На острове сильная жара, в лагерь экспедиции ночью вторгаются орды ночных бабочек, но поимка удавчика, вместе с достаточным для разведения в неволе количеством ящериц, делают поездку успешной.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Колония летучих мышей острова Родригес - 49

Остров Родригес был разорён циклоном и находится в серьезной опасности полного уничтожения. Посещается колония летучих мышей в долине Голубиное ущелье, где пришлось приложить немалые усилия для поимки некоторых из этих любопытных существ. По песням подсчитано количество фоди, а также мы увидели знаменитое самое одинокое дерево в мире.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Мадагаскар – остров сокровищ - 65

Уникальная и экзотическая флора и фауна Мадагаскара развивается и выживает во многом благодаря древнему разделению континентов. Но острову, находящемуся в гордом одиночестве, серьезно угрожает бессмысленное уничтожение человеком и он медленно экологически умирает. Тем не менее, на сказочном рынке зомы процветает торговля. Устанавливается контакт с очаровательными тенреками и несколькими изящными лемурами.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Шествие лемурув - 85

Экспедиция перемещается в специальный питомник в Беренти для необыкновенной встречи с экстраординарной самкой кошачьего лемура и ее ближайшими родственниками. Во множестве встречаются хищные птицы, сифаки, змеи и тараканы. В другом заповеднике – Анкарафансики – в изобилии произрастает множество опасных деревьев с колючими стволами. Специальный пистолет используется для поимки небольшого количества лемурув. В непростую ночь перед экспедицией появляются ночные шерстистые лемуры.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Нуси-Комба и танец крокодила - 105

Посещается восхитительный лес вокруг Хазофотси: причудливые ландшафты населенные очень странными аллюодиями и баобабами, миниатюрными мышинными лемурами, паучьими черепахами и визгливыми тонкотелыми лемурами. Остров Нуси-Комба с восторгом приветствует экспедицию. Для гостей устраивается большой праздник, на котором начинаются экзотические танцы. Со специальными подарками покидаем острова неприкосновенной колонии лемурув.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Стенания тропического леса - 125

Возвращение на континентальную часть Мадагаскара. Экспедиция отправляется в Перинет для поиска величественного индри. По пути встречается множество животности: от зебу, бабочек, лягушек, хамелеонов до хищных растений. Изнуренная команда падает навзничь в ветхом, но полном чрезвычайного очарования старом отеле. Начинаются поиски. После изнурительного прочесывания леса экспедиция буквально попадает в засаду, которую устроили индри. И неожиданно наступает конец путешествия.

Index - 140

Acknowledgements - 141

Предисловие

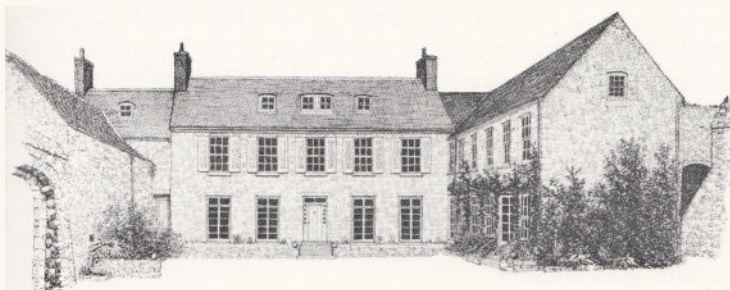
Мне кажется, что даже самые предусмотрительные путешественники окажутся в восторге от идеи посещения удаленного тропического острова. Кажется, в тропических островах есть что-то особенное, что будоражит кровь даже самых неприключенческих душ. Так что вы можете представить, как была рада Ли, моя жена, и я, когда мы получили возможность посетить не один, а сразу четыре тропических острова в Индийском океане, при чём один из них необитаемый. Позвольте мне объяснить каким образом нам выпал этот счастливый случай.

Я был связан с островами так или иначе большую часть своей жизни и был просто ими помешан — убежденный «islomaniac». С самого раннего возраста, я рос на замечательном греческом острове Корфу. Именно здесь я впервые почувствовал страсть к изучению природы: я рыскал по острову, как на осле, так и на лодке, в поисках экспонатов для своего домашнего музея, а также живых существ для содержания их в неволе и дальнейшего изучения. Всё, начиная от филина до морских коньков, от змей до скорпионов, шло мне на пользу и проливало свет на мои знания. Естественно, это раннее увлечение пробуждало у меня желание увидеть мир, его растительное и животное разнообразие. Так я начал собирать животных для зоопарков, путешествовать по всему свету, встречать и привозить в Европу самых разнообразных и удивительных существ. Но, спустя некоторое время, я стал получать меньше удовольствия от этого по двум причинам. Во-первых, я не любил расставаться со своими питомцами в конце поездки, и во-вторых, я не был уверен, что зоопарки, с которыми я сотрудничал, были должным образом обустроены.

Когда я путешествовал по всему миру, то мог видеть, что всё больше и больше животных находится под угрозой исчезновения из-за деятельности людей. В случае многих видов, их количество в диком состоянии резко уменьшается или из-за охоты, или из-за уничтожения их среды обитания. Я понимал, что невозможно сохранить и восстановить их численность без посторонней помощи. Что и нужно было этим затравленным существам, так это убежища, где они могли бы

Джеральд и Ли Даррел вместе с кошачьими лемурами, которых разводят в неволе на Джерси.

Поместье Огр на острове Джерси – штаб-квартира Международного треста охраны дикой природы.

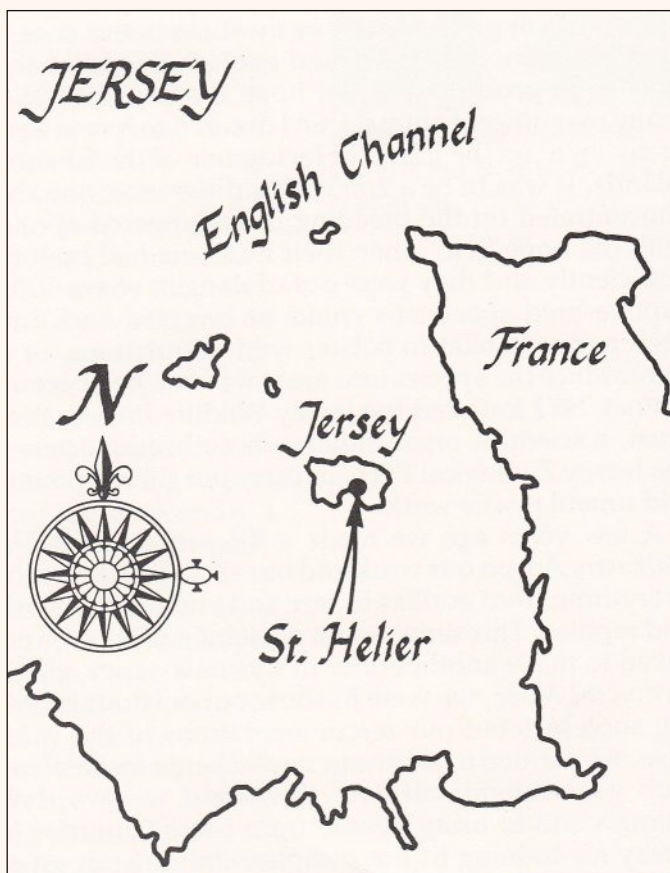
жить и размножаться в безопасности и восстанавливать свою численности. Этими убежищами, как я считаю, должны стать зоопарки.

Но в большинстве случаев, зоопарки не были достаточно дальновидны, чтобы понять, что они являются последней надеждой для выживания многих великолепных животных. Таким образом, я решил создать свой собственный зоопарк на острове Джерси, одном из Нормандских островов. Этот зоопарк должен был отличаться от других зоопарков тем, что сосредотачивался бы на размножении исчезающих видов животных с надеждой на то, что когда их численность достаточно вырастет и они будут вне опасности, некоторые выращенные в неволе особи, могут быть выпущены назад в их родную среду обитания, чтобы поддержать дикие популяции или повторно вернуть эти виды в места, где они вымерли. Таким образом, я основал Джерсийский Трест Охраны дикой природы, научную организацию, главным офисом которой является Джерсийский зоопарк, чтобы выполнить эту важную и безотлагательную спасательную работу.

Несколько лет назад мы создали телевизионный сериал под названием «Ковчег на острове». В нём мы рассказали о нашей работе и наших успехах в разведении различных животных: от горилл до редких и подвергаемых угрозе исчезновения птиц и рептилий. Этот сериал был очень популярным и нас попросили сделать следующий. В новом фильме, названном «Ковчег в пути», мы должны были показать не только наши успехи в размножении, но и наши спасательные операции в дикой природе. Кроме того, мы хотели показать нашу

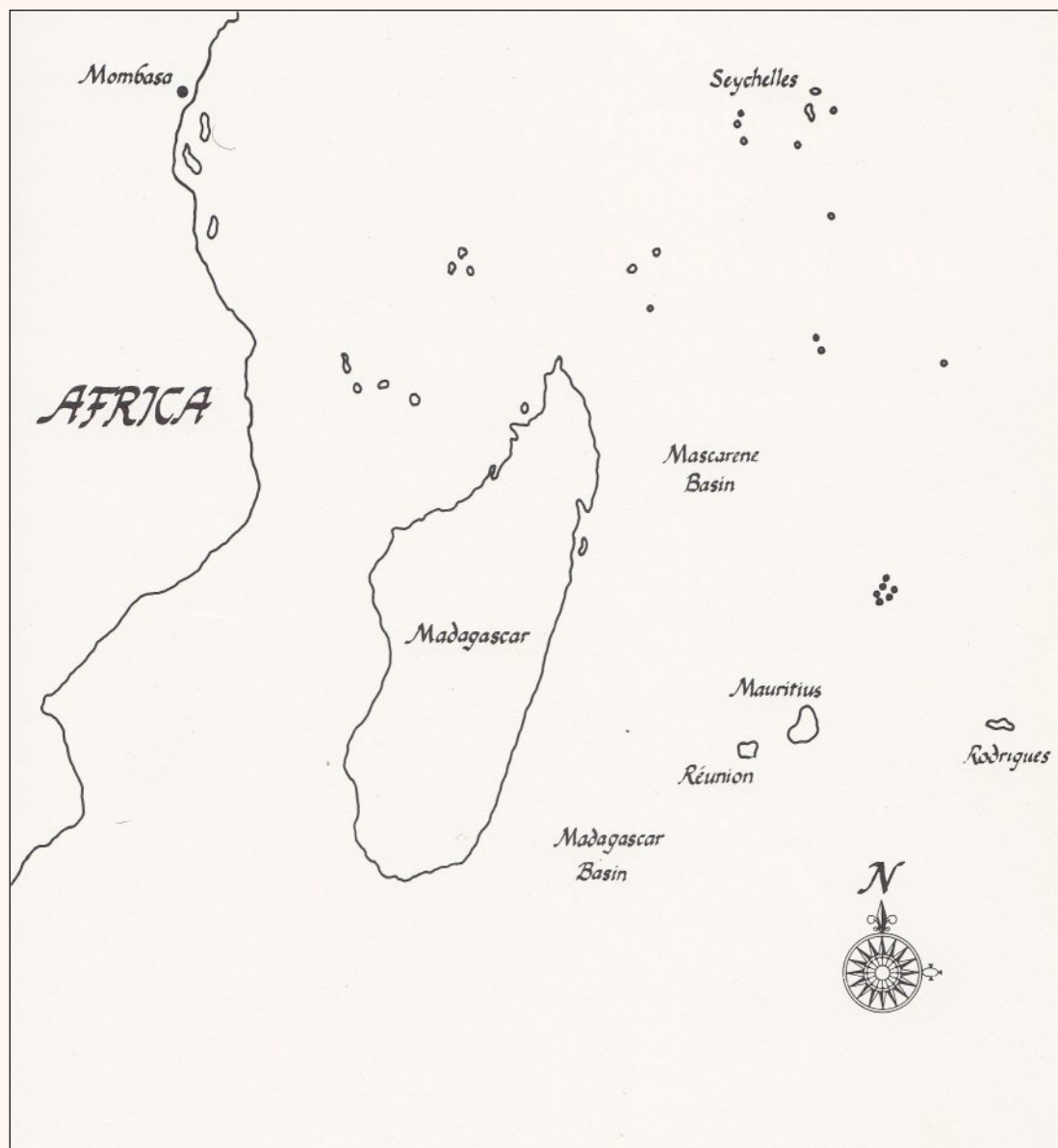
новую схему работы по спасению животных с правительствами во всём мире, а также привлечь представителей этих стран на Джерси для обучения сложному и трудному искусству размножения животных в неволе. Все животные должны быть размножены в стране происхождения, но зачастую это невозможно в связи с отсутствием достаточного опыта в этих странах.

В действительности Джерси стал первым мини-университетом по разведению редких видов в неволе как средства их спасения. Итак, мы должны были посетить Маврикий, Родригес, Круглый остров в Маскаренском архипелаге, где мы уже работали с правительством, а затем отправиться на сказочный остров Мадагаскар, чтобы убедиться, нужна ли наша помощь там.

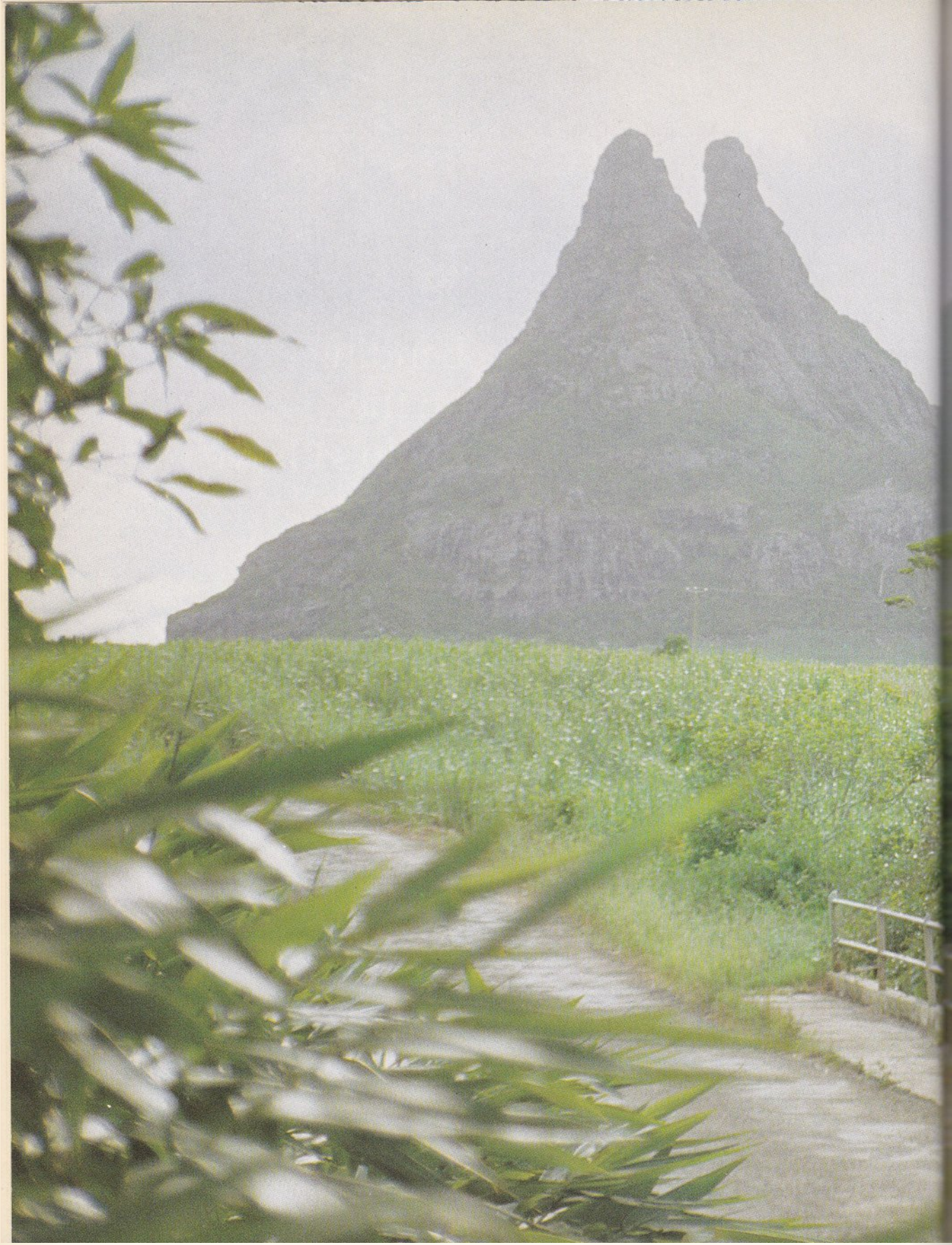
Остров Джерси

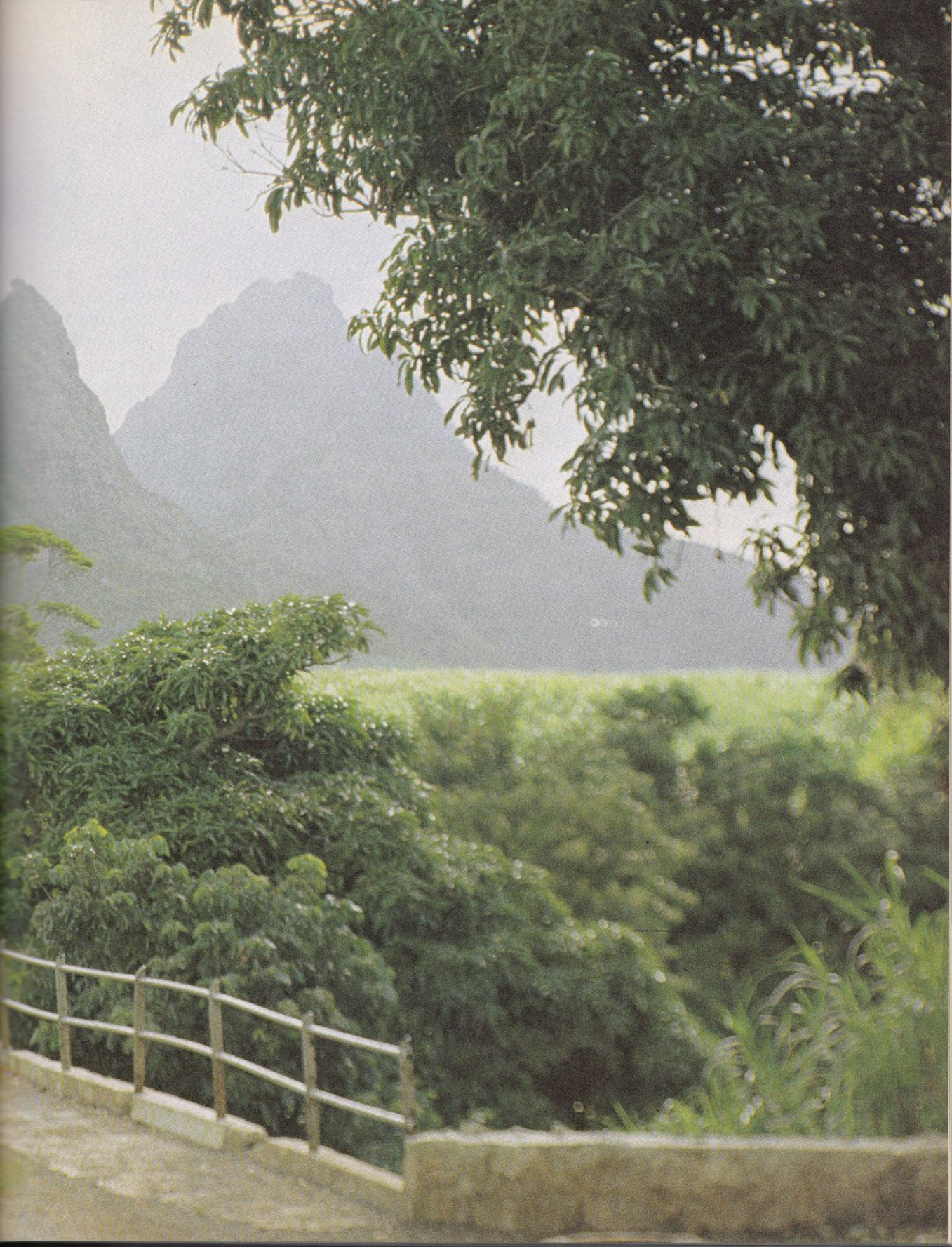
Мадагаскар и
Маскаренские острова

Посадка
на могиле
Дронта

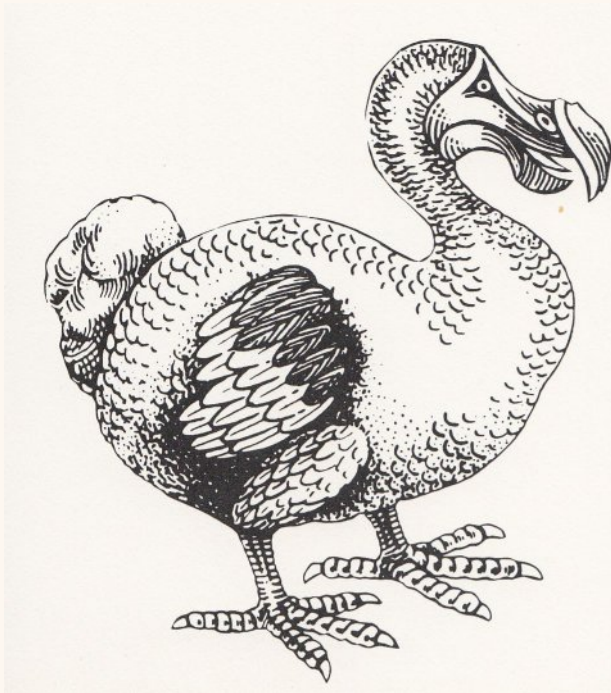

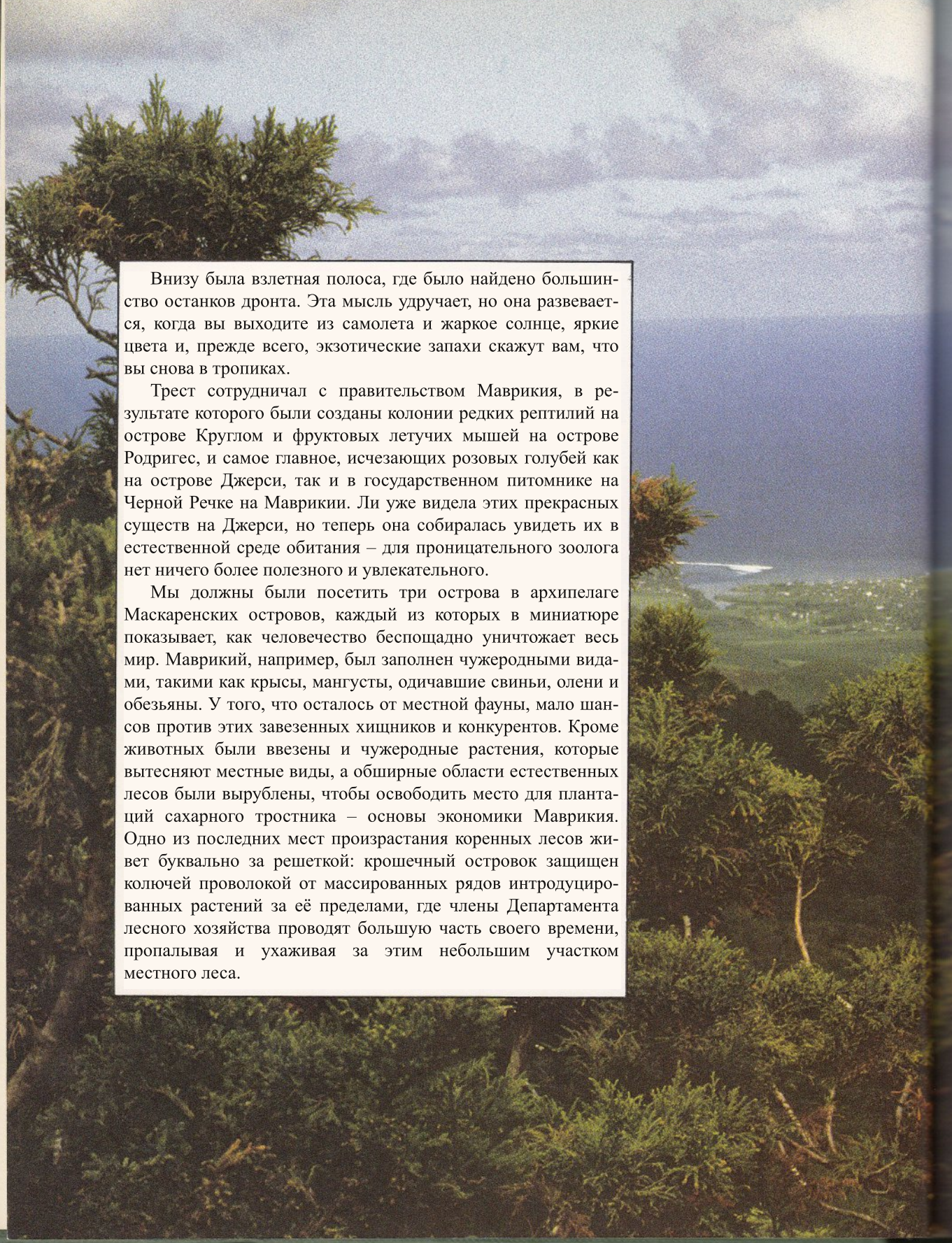
Эта поездка должна была стать замечательной, особенно потому, что Джон Хартли, мой помощник, и я хорошо знали Маскаренские острова. Я с нетерпением ждал того момента, когда смогу показать их Ли. А она провела два года в малагасийских лесах, изучая общение животных для её докторской диссертации и она с нетерпением ждала того момента, когда сможет показать нам сказочную малагасийскую фауну. Наша связь с Маврикием по-настоящему началась, когда мы решили выбрать дронта в качестве символа Треста. Когда Маврикий был открыт европейцами, на нем обитали уникальные виды птиц, и, возможно, самой любопытной из них был великолепный, нелетающий, безвредный дронт – большая неуклюжая птица размером с гуся. Некоторые считают, что его родственником является голубь. Дронт, неспособный летать, гнезвился на земле, и не имея врагов, был очень ручным и бесстрашным. С прибытием человека, у него появились многочисленные враги: сам человек и разные домашние животные и питомцы, которых он завез с собой. Дронт не смог справиться с таким количеством врагов и спустя сотню лет вымер, оставив после себя только несколько косточек. И так такая грустная фраза «мертвый как дронт» вошла в язык. Судьба дронта, казалось, подытожила то, как человечество относится к разным видам животных во всём мире, и вот почему мы выбрали эту птицу своим символом.

Мы провели несколько захватывающих месяцев, готовясь к поездке: изучили карты и справочный материал, проверили наше оснащение – бинокли, записывающие устройства и фотоаппараты, тщательно осмотрели одежду для тропиков, ранее сложенную на хранение с пакетиками от моли. Наконец настал день, когда мы отправились из Джерси в первый этап нашего путешествия. День был холодный и дождливый – такой день, который заставляет мечтать о тропиках и мы не могли дождаться момента, когда мы там окажемся.

Странное чувство охватывает вас, когда огромный самолёт приземляется в аэропорту Плезенс на Маврикии, так как вы знаете, что вы приземляетесь на землю, где был погребен дронт.

Колонии дронта обнаружены в 1500-ых годах и уничтожены в течение ста лет. В настоящее время он выбран в качестве эмблемы Джерсийского Треста.

Внизу была взлетная полоса, где было найдено большинство останков дронта. Эта мысль удручает, но она развеивается, когда вы выходите из самолета и жаркое солнце, яркие цвета и, прежде всего, экзотические запахи скажут вам, что вы снова в тропиках.

Трест сотрудничал с правительством Маврикия, в результате которого были созданы колонии редких рептилий на острове Круглом и фруктовых летучих мышей на острове Родригес, и самое главное, исчезающих розовых голубей как на острове Джерси, так и в государственном питомнике на Черной Речке на Маврикии. Ли уже видела этих прекрасных существ на Джерси, но теперь она собиралась увидеть их в естественной среде обитания – для проницательного зоолога нет ничего более полезного и увлекательного.

Мы должны были посетить три острова в архипелаге Маскаренских островов, каждый из которых в миниатюре показывает, как человечество беспощадно уничтожает весь мир. Маврикий, например, был заполнен чужеродными видами, такими как крысы, мангусты, одичавшие свиньи, олени и обезьяны. У того, что осталось от местной фауны, мало шансов против этих завезенных хищников и конкурентов. Кроме животных были ввезены и чужеродные растения, которые вытесняют местные виды, а обширные области естественных лесов были вырублены, чтобы освободить место для плантаций сахарного тростника – основы экономики Маврикия. Одно из последних мест произрастания коренных лесов живет буквально за решеткой: крошечный островок защищен колючей проволокой от массивов рядов интродуцированных растений за её пределами, где члены Департамента лесного хозяйства проводят большую часть своего времени, пропалывая и ухаживая за этим небольшим участком местного леса.

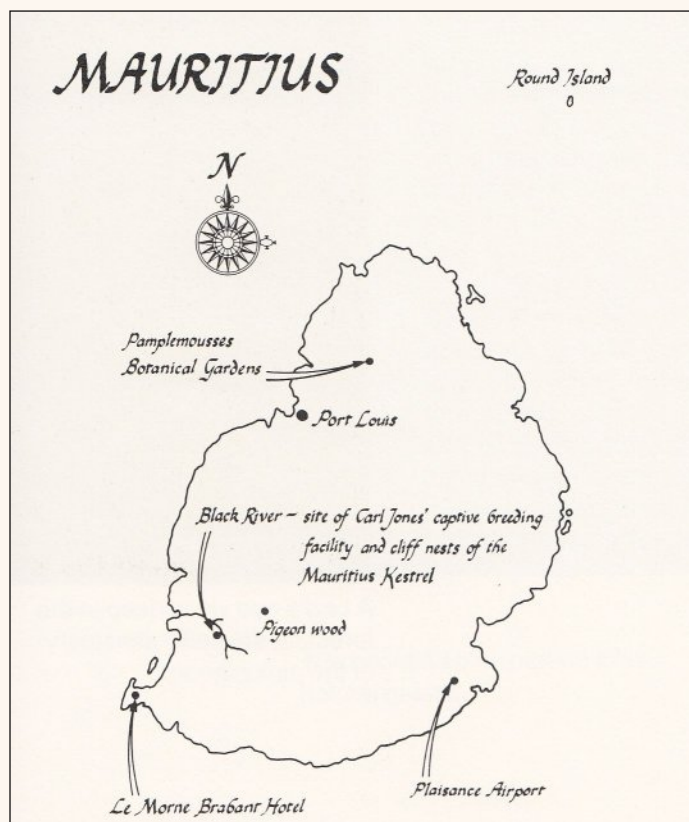

Легкость, с которой растение или животное может быть ввезено в страну и посеять хаос, воплощена на Маврикии в истории о лиане-душителе. В один прекрасный день мы посетили огромный и красивый ботанический сад в Памплемусе недалеко от столицы – Порт-Луи. Здесь наш друг Вахаб Овадалли, главный хранитель лесов, показал нам эту замечательную плантацию. Лиана имеет привычки аналогичные европейскому плющу, за исключением того, что она буквально душил своего хозяина. Только один экземпляр это смертоносного растения был случайно ввезен на Маврикий, но этого было вполне достаточно, чтобы нанести ущерб. Как пояснил Вахаб, семена лианы имеют форму миниатюрных вертолетов и широко разносятся ветром, семя прорастает из земли, молодое растение отыскивает дерево, а затем обвивается вокруг ствола, словно питон, после чего начинает взбираться на своего хозяина и медленно удушает его. Когда дерево умирает и сгнивает, оно оставляет душителя торжествующим, подобно большой массе цилиндрических пружин.

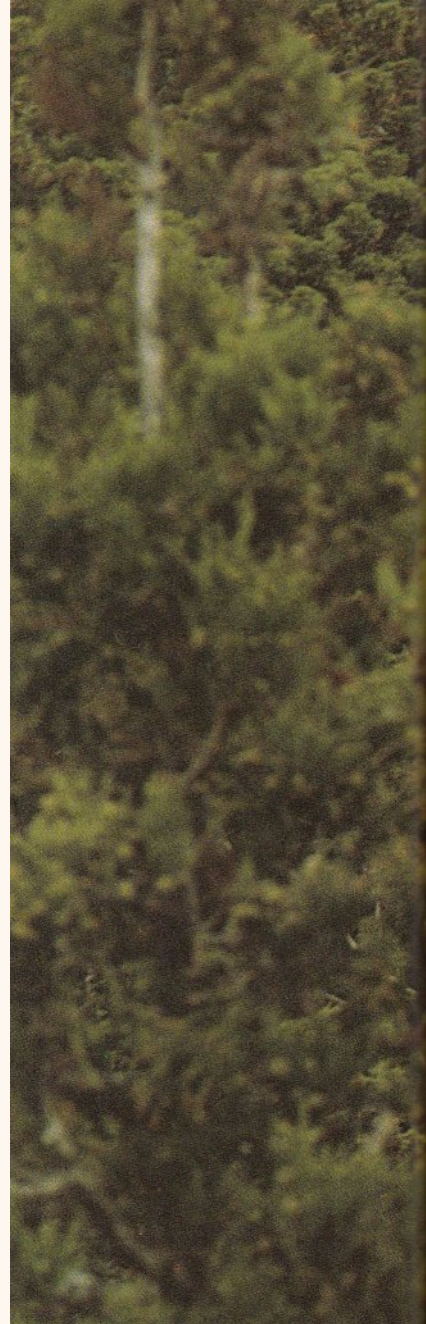
Гигантские кувшинки в
ботаническом саду

Нашей главной задачей прошлой поездки на Маврикий была попытка спасти прекрасного розового голубя от вымирания. Это необыкновенная ирония, что единственное поселение этой красивой птицы было обнаружено в отдаленной долине в небольшой рощице из криптомерии, которая была завезена на Маврикий в качестве источника древесины. Эта небольшая группа деревьев была высажена в такой далекой и труднодоступной местности, что они не могут покинуть долину, где росли и процветали. Криптомериевая роща была облюбована розовыми голубями в качестве места своего гнездования.

Процесс попадания в Голубиный лес довольно изнурительный и трудоемкий. Ранним утром, когда вы просыпаетесь, как правило, идет дождь и горы окутаны облаками. Это превращает землю в болото. Часть пути идет по узкой тропинке через высокие по пояс заросли и вы вскоре промокаете до нитки. Затем склоны углубляются, становятся крутыми и скользкими, как американские горки, спускаются в долину, проходящую через густые заросли китайской гуавы и дорожные пальмы - равanelы, которые выглядят как огромные зеленые викторианские веера, застрявшие в земле. Наконец, мокрые насквозь, покрытые грязью и покусанные до смерти миллионами комаров, вы достигаете мрачной криптомериевой рощи.

Высоко, у верхушек деревьев, Департамент лесного хозяйства, построил платформы с грубыми лестницами, ведущих к ним. С этих обзорных площадок можно рассмотреть практически всю мировую популяцию розового голубя. Все, что вы можете слышать вокруг – это горловое воркование птиц: прекрасный усыпляющий звук. Постепенно солнце становится выше, облака и туман рассеиваются, в ярком свете деревья начинают сверкать от капель дождя, как миллионы бриллиантов различными оттенками зеленого, ослепляя глаза. Розовые голуби чрезвычайно ручные существа и наступают момент, когда они подлетят и усядутся в нескольких футах от вас, воркуя друг с другом, неуклюже подергивая своими головами, в перерывах сливаясь вместе в ритуальном поцелуе. Их прекрасные розовые груди сверкали на солнце как цикламены, а их крылья и хвосты были похожи на красные осенние листья.

Так птичий глаз видит уступистое убежище розового голубя в чаще леса.

Красивый розовый голубь в его естественной среде обитания.

Дикая популяция розового голубя сократилась до десяти птиц, но семьдесят пять птиц было выведено в неволе. Например, этот прекрасный экземпляр.

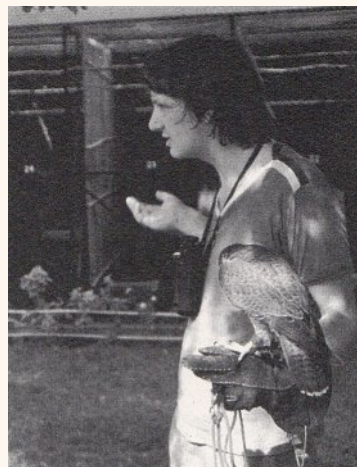
Когда я и Джон прибыли на Маврикий в 1976 году, дикая популяция розового голубя была оценена в сорок пять особей. Три птицы также содержались в неволе, но они не подавали никаких признаков размножения. Правительство Маврикия решило, что единственным разумным путем является попытаться отловить немного птиц. Это создало нам некоторые трудности, потому что еще не наступил период размножения, в который поймать их достаточно просто. Тем не менее, мы попытались обратить их необыкновенную послушность в свою пользу. С помощью специальных мобильных отрядов правительства, мы вошли в криптомериевую рощу в сумерках и отметили там места, где птицы собирались на ночлег. Затем, когда уже стемнело, мы ослепили их с помощью переносного прожектора. Это, вместе с их естественным отсутствием страха, позволило нам взобраться на криптомерии, чтобы поймать их необычной сетью – устройством, которое напоминало скорее гигантские щипцы для сахара. Это звучит просто, но на самом деле это было кропотливое, трудное и опасное занятие, так как ветви криптомерии были хрупкими, а вы иногда действовали на высоте пятидесяти футов от земли. Несмотря на все трудности, таким путем нам удалось поймать одну птицу, которая дополнила трех птиц на Черной речке. В следующем году Джон вернулся на Маврикий в сезон размножения, чтобы попробовать поймать больше экземпляров, что он и сделал. С помощью бал-чхатри он поймал восемь птиц. Бал-чхатри выглядит как старомодный мясной шкаф с сеткой в форме колокола, покрытый тонкими нейлоновыми петлями. Эта конструкция помещается над гнездом и, когда птица, которая прилетает насиживать кладку, садится на него, то запутывает свои ноги в её петлях. Троих из пойманных птиц оставили на Черной речке, а пять привезли на Джерси. С тех пор дикая популяция сократилась до десяти птиц, но наши меры безопасности оправдались, и, в настоящее время, семьдесят пять птиц живут в неволе, из них двадцать четыре находятся на Джерси.

Эта поездка должна была прояснить, какие птицы из Джерси должны быть отправлены обратно на Маврикий, а какие из Маврикия будут направлены для разведения на

Джерси. Когда вы имеете дело с таким крошечным для вида генофондом, очень важно попытаться через их родословную, насколько это возможно, предотвратить близкородственное скрещивание и сопутствующие риски. Карл Джонс, преданный своему делу человек и самый забавный молодой орнитолог, возглавляющий питомник Чёрная речка, вместе с Юсуфом Мангру (маврикийским студентом из Джерси), разработали большую генеалогическую карту. По этой карте мы можем проследить родословную каждого живущего в неволе розового голубя, чтобы узнать, кто были его родители, бабушки, дедушки, кто на ком женился, когда он вылупился. Мы размышляли над этим деревом, и как заметил Карл, мы выглядели, словно организаторы свадеб для некоторых небольших европейских королевских семей. Но это было более интересным и стоящим делом.

Когда последнее решение было принято, мы поймали голубей и аккуратно упаковали их в толстые картонные коробки для путешествия. Естественно, такой редкий и важный груз не мог перемещаться в одиночку. Джон должен был сопровождать их до Джерси и, когда они благополучно доберутся, присоединиться к нам на следующем этапе нашего путешествия. Любкой турист, который думает, что не просто объяснить суровому таможеннику провоз пары бутылок виски и блока сигарет, не представляет насколько трудно растолковать ему назначение нескольких картонных коробок полных розовых голубей. Задача, мягко говоря, сложная. Мы наконец-то погрузили Джона и птиц на самолет, оставляя ряд должностных лиц таможенных органов с серьезными сомнениями относительно нашего здравомыслия. Захватывающе смотреть на самолет и знать, что очередная глава саги попытки спасения розовых голубей закончилась благополучно. Мы осознали, какая важная работа была проделана на Джерси: и в разведении различных вымирающих видов, и в обучении людей работать в таких местах как Маврикий.

Среди других птиц, за существование которых Карл боролся в авиарии Чёрной Речки, была, безусловно, самая редкая хищная птица в мире – маврикийская пустельга, численность которой в диком состоянии сократилось до пятнадцати пар. Причин сокращения численности несколько.

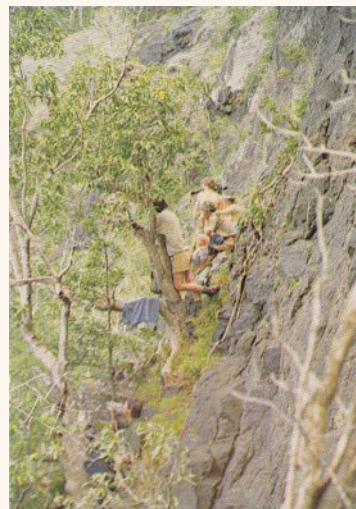

Карл Джонс преданный своему делу орнитолог, возглавляющий природоохранный питомник Чёрная Речка.

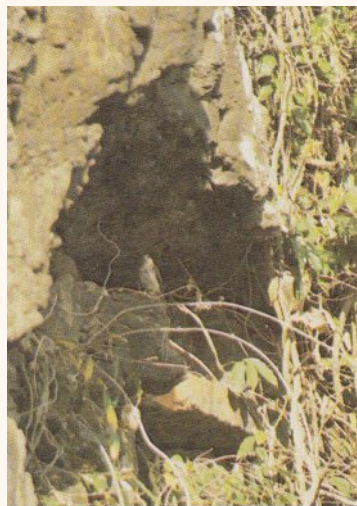
Одной из них является то, что некоторые пустельги любят гнездиться в дуплах деревьев, в то время как другие предпочитают высокие уступы скал в Большом Центральном ущелье Маврикия. Те, что гнездятся на деревьях, подвергаются риску, что их яйца и птенцы станут жертвами обезьян — хитрых и умелых хищников. Те, что гнездятся на отдаленных уступах, находятся в сравнительной безопасности. Но есть и другая, более веская причина для снижения численности этого маленького сокола. И как ни странно, в настоящее время он находится на грани вымирания из-за завезенных растений. Это может показаться смешным, но, тем не менее, это так. Естественные леса Маврикия стремительно вытесняются и уничтожаются завезенными растениями. В родном для маврикийской пустельги лесу живет ее главный источник пищи — гекконы фельзумы. Эти блестящие красивые ящерицы, зеленые драконы, украшенные алыми и черными пятнами, изобилуют в местах, где естественный лес еще сохранился. Они лазают вверх и вниз по стволам деревьев и лежат, греясь на солнце, в ветвях, выглядя как фантастические рождественские украшения, инструктированные изумрудами и рубинами. Эти маленькие рептилии не только привлекательны для взгляда, но еще и имеют настолько приятный вкус, что пустельги охотятся только на них, исключая из своего рациона все остальное. Паре пустельг нужно очень много пятидюймовых рептилий, чтобы прокормить самих себя, а также выводок из двух или трех птенцов. Это хороший пример того, как косвенно человечество в мире, изменяя, разрушает природу. С небрежным заселением чужеродных растений погибает местный лес (также как вымер дронг, столкнувшись с собаками, кошками, свиньями и обезьянами), за лесом исчезают и фельзумы, затрагивая и последнее звено в этой цепи — пустельгу. Но есть надежда для других пустельг, которые были успешно выведены в неволе.

Мы надеемся, что Карл сможет получить жизнеспособную размножающуюся колонию этих редких хищных птиц.

В очередной раз доказано как через разведение в неволе маврикийская пустельга, как и розовый голубь, могут быть сохранены, а не кануть в лету как дронг.

Подвешенные на опасном удаленном утесе, участники экспедиции наблюдают за маврикийской пустельгой.

Маврикийская пустельга, одна из самых редких хищных птиц в мире, показана на снимках, как в дикой природе, так и в неволе. Только пятнадцать пар из этих экзотических птиц остаются в своей естественной среде обитания.

Пока мы ждали возвращения Джона из Джерси, я воспользовался возможностью показать Ли коралловый риф. Для любого зоолога коралловый риф является одним из самых фантастических мест в мире, не только благодаря колониям кораллов – настолько невероятных, как самые причудливые, красочные и сложные архитектурные сооружения в стиле барокко, но и существам, которые населяют эти красивые подводные ландшафты. В равной степени и те, и другие выглядят невероятно. Ежедневно мы плавали по два или три часа на рифе, и каждый раз видели, по крайней мере, четыре или пять видов рыб, которых не встречали раньше. Мы были ослеплены формами и цветами рыб, кораллов и всех других жителей моря, которые миллионами населяли коралловые рощи.

Но, в конце концов, наш отдых подошел к концу: вернулся Джон и мы должны были составлять планы для посещения нашего второго пункта – необитаемого острова Круглого, дома для редких морских птиц, странных пальм и уникальных рептилий.

Умирающий остров

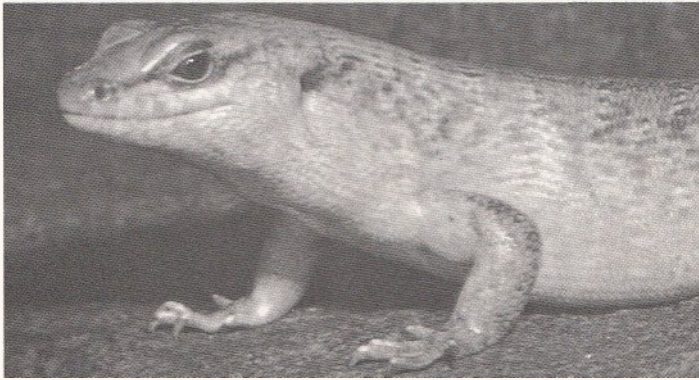
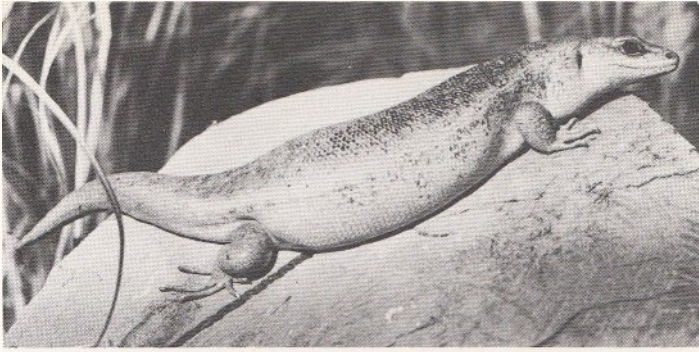

Одной из главных проблем для рептилий является то, что у обширной группы этих очаровательных и полезных существ сложилась плохая репутация в прессе из-за того, что в Эдемском саду репортаж о них попал на первые полосы газет. Большинство людей содрогается при упоминании рептилий и находятся под воздействием ошибочного мнения, что все змеи и другие холоднокровные существа слизистые, ядовитые и злые. На самом деле, они не слизистые, а сухие и прохладные на ощупь, как сумочка из змеиной кожи. Они нападают на вас только в том случае, когда вы наступаете на них или угрожаете им. На их месте вы бы сделали тоже самое. И наконец, из множества рептилий в мире лишь ничтожная часть ядовита. Все они, даже ядовитые, приносят большую пользу, употребляя в пищу вредных для человека насекомых и грызунов. Было подсчитано, что количество змей, которое гибнет в Индии, способно поглотить столько крыс и мышей, что индийский народ может принести пользу экономике миллионами тонн зерна, которые эти грызуны съедают.

Мы очень гордимся нашим великолепным центром по разведению рептилий на Джерси. Кстати, получили мы его весьма любопытным образом. Сбор средств для сохранения животных всегда сложный процесс, который становится сравнительно простым, если у вас есть кто-нибудь милый и приятный, как, например, большая панда. Но из-за незаслуженно плохой репутации, собрать деньги для ящериц, змей и черепах очень трудно. Поэтому долгое время мы содержали наших рептилий в переоборудованном гараже. Как-то мы провели Первую Всемирную конференцию по разведению исчезающих видов в неволе. В ходе её работы ко мне подошел канадский член Треста.

- Мистер Даррелл, я был в вашем зоопарке несколько раз и нахожу его великолепным, - сказал он. - Я думаю, что животные находятся в прекрасном состоянии, но мне кажется, что в вашем Доме рептилий воняет.

Я согласился, но пришлось объяснить, что в переоборудованном гараже было всё, что мы могли себе позволить.

Лоснящийся и красивый сцинк Тэлфера – ящерица, которая встречается только на крошечном вулканическом острове Круглом.

- Найдите мне деньги, - в шутку сказал я, - и я построю вам лучший Дом рептилий в мире.

Он минуту задумчиво рассматривал меня и ушёл. Я подумал, что на этом наш разговор был закончен, но в конце конференции он снова подошел ко мне.

- Мистер Даррелл, Вы говорили всерьёз, что если бы я нашел деньги, то вы бы построили лучший Дом рептилий в мире? – спросил он.

- Конечно бы смог, - ответил я. – А что?

- Хорошо, ммм... Среди моих многих увлечений я, ммм, являюсь эксцентричным миллионером, - сказал он.

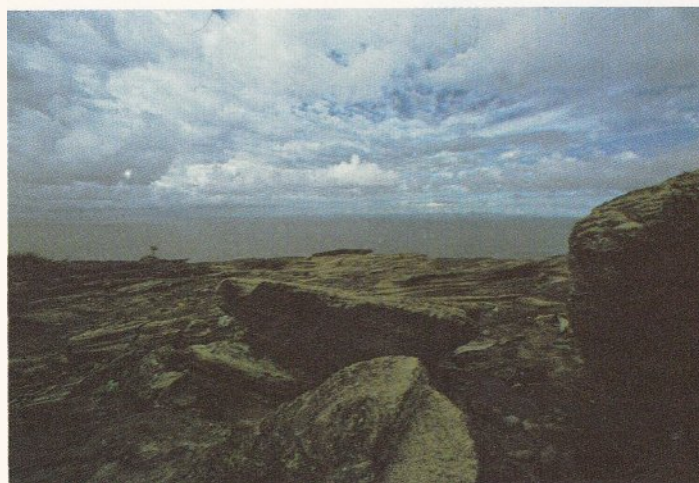
На мгновение я стал к нему недоверчив, а затем слабо произнес:

- Пройдемте в мой офис.

В итоге мы получили один из лучших Домов рептилий в мире, если не самый лучший. Здесь у нас были впечатляющие успехи. Среди прочих обитателей в нем жило три редчайших вида, которые встречаются только на Круглом острове – крошечном скалистом массиве вулканического туфа в четырнадцати милях от побережья Маврикия. Два из них – ящерицы: лоснящиеся, красивые сцинки Тэлфера и темные, с нежной кожей и кошачьими глазами гекконы Гюнтера. Тре-

Члены экспедиции и маврикийская команда настраивают подъемник на Круглом острове для переправы снаряжения и людей со стоящего на якоре судна через острые как бритва скалы.

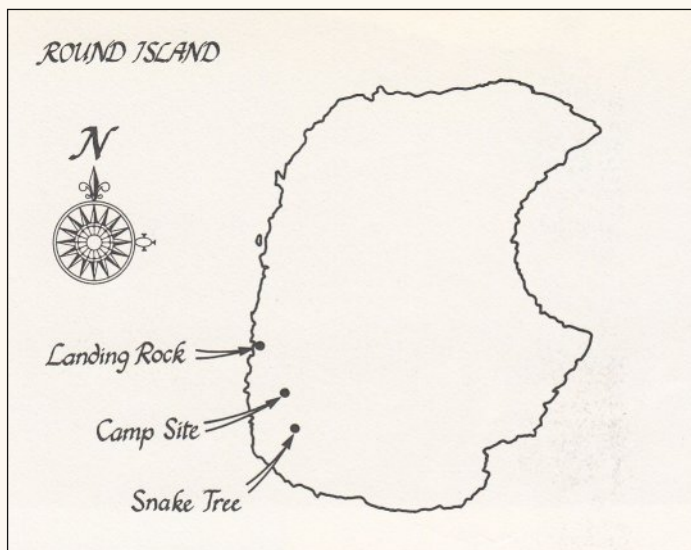
Остров Круглый в четырнадцати милях от берегов Маврикия впечатляет тяжелой эрозией.

Годы эрозии превратили Круглый остров в беспорядочные глубокие складки и гребни.

тий – змея - древесный маскаренский удав, который поставил в сложную ситуацию зоогеографов и систематиков. Каким образом удавы, змеи, которые обитают в Новом Свете, очутилась на крошечном кусочке земли в Индийском океане? Джон и я собрали группы всех трех видов этих животных в предыдущих поездках на Маскаренские острова, и все они успешно размножаются у нас. В тот момент, когда я писал эту главу, я узнал, что из яиц удавов вышли детеныши. Это первый случай, когда этот вид был размножен в неволе, что является большим успехом в герпетологии и деле сохранения редких видов. В этой поездке, мы вернулись на Круглый остров, чтобы получить больше экземпляров каждого вида, для разнообразия генофонда.

Власти Маврикия оказали нам полное содействие и с их помощью поздним утром, оседлав голубые сверкающие волны, мы оказались в шести морских саженях от острова, окруженного красивым прозрачным морем. На месте нас удерживал маленький лодочный якорь, в то время пока Джон Хартли, сопровождаемый тремя крепкими полицейскими, которых правительство Маврикия назначило, чтобы помочь нам с нашим оборудованием, плыли к берегу с веревками, чтобы установить небольшой подъёмник. Его мы собирались использовать для переправы нашего снаряжения, оборудования и нас самих на берег. Я с опаской смотрел, как коротко подстриженный Джон плыл впереди, подпрыгивая на волнах: образованный берегом изгиб мог оказаться опасным - волны могли швырнуть его прямо на острые как бритва скалы. Ли

была слишком взволнована, чтобы о ком-либо беспокоиться, в том числе и за себя.

Джон, с энтузиазмом взбивая воду, вместе с полицейскими подплыл к берегу и вскоре они все вместе занялись креплением веревок для выгрузки. Даже с помощью веревок и маврикийской полиции высадка на Круглый остров была более захватывающей, чем я предполагал, и подходящей для моего возраста и тучности. Но это было заметным улучшением в сравнение с тем, как это происходило в прошлом. На 370-акровом острове была только одна площадка для высадки: большая плоская скала, где давным-давно кто-то прикрепил несколько железных колец, к которым легко можно было прикрепить веревки. В последний раз, когда я посещал остров, процесс состоял из прыгания с борта корабельной шлюпки, в то время когда она поднималась и опускалась на отполированной зыби, и недостойного крушения на скользкую скалу. В этот раз нас переносило на берег кран, пока мы сидели в веревочной петле. Хочу сказать, что это заставило меня почувствовать себя пожилым Питер Пеном. С другой стороны, Ли выглядела очень изящно, и в большей степени была довольна и увлечена этим опытом.

Когда нас выгрузили вместе со снаряжением и корабль ушел, мы обнаружили, что высадка на берег была легкой частью. Нашей первой целью было «дерево для пикников» — большой панданус, который распускал свои листья — веера где-то на двухсот пятидесяти футовой высоте над нами на вершине откоса. Мы загрузились своим снаряжением и начали карабкаться. Века эрозии вулканического туфа превратили

остров в беспорядочное нагромождение глубоких складок и гребней. Хотя поверхность кажется гладкой, но когда ты ступаешь на неё, то тонкая корка разрушается и исчезает под вашими ногами. Жара здесь постоянная, даже ранним утром, и воздух тяжел от соли. К полудню скалы становятся настолько горячими, что можно поджарить яичницу. К тому времени, когда мы в поту достигли вершины утеса, то были благодарны за маленькие кусочки тени, предоставленные панданусом.

Когда-то нижние части острова были покрыты густым пальмовым лесом, а на более высоких частях росли эбеновые и другие деревья с твердой древесиной. Но в начале XIX века сюда были завезены кролики и козы, которые превратили остров в пустыню. В частности козы шли через лес, поедая всё на земле, включая молодую поросль без которой лес не может возобновляться. Они даже умело взбирались на деревья, как это делают обезьяны, чтобы достать последний листочек. К счастью, крыс на острове не было, но если бы это произошло – это был бы конец для мира рептилий.

Правительство Маврикия превратила Круглый остров в природный заповедник, и мы надеемся, что оказались как раз вовремя, чтобы спасти то, что осталось от двух видов ящериц, двух видов змей и двух видов пальмовых деревьев, которые сохранились на этом крошечном клочке земли и которых не встретишь больше нигде в мире. Коз, в конце концов, уничтожили, и появилась надежда, что со временем возродится и лес, при условии, что будет контролироваться количество кроликов.

Не успели мы счастливо растянуться в тени пандануса,

Когда-то богатый пальмовыми и с твердой древесиной деревьями остров, сейчас представляет собой пустыню с несколькими оставшимися видами пальмовых деревьев.

Обманчивый вид постоянно раскаленного тонкого слоя почвы покрывающей Круглый остров, который легко разрушается под ногами.

Геккон, бросающий вызов гравитации, поднимается по вертикальной поверхности.

как изо всех уголков и трещин скалы начали появляться целый отряд больших, радужных сцинков Тэлфера. Они были очаровательно ручными и тыкали носом во всё подряд, вопросительно вглядываясь в нас большими умными глазами. Они полностью бесстрашны, потому что не имеют естественных врагов. Они находятся на самой вершине пищевой пирамиды острова, охотятся на мелких ящериц, которыми питаются. Это показалось мне огромной привилегией, что такие рептилий поднимаются на мои колени и пробуют кусочки еды, которые я им предлагаю, особенно когда думаешь, что они являются ровесниками динозавров. Тем не менее Ли решила, что это было несколько сомнительная честь, когда очень большой сцинк Тэлфера, который сидел на коленях схватил её палец вместо куска банана, который она ему предлагала. У сцинков мощные челюсти и прошло достаточно много времени, прежде чем мы сумели остановить кровь.

- Не бери в голову, - утешал я, обматывая платком её палец. - Подумать только: ты, вероятно, первая женщина - доктор наук, которую он укусил. Это почетно.

- Спасибо, - ответила она испепеляющим тоном. - В будущем я буду обращаться с осторожностью с теми, кого ты посоветуешь мне приручить.

Глядя на то, как они любят пить кока-колу и делить наши бутерброды, было странно осознавать, что их осталось так немного, что один мощный циклон может уничтожить этих милых существ навсегда.

Мы разбили лагерь под пальмами, разбросанными на краю небольшой долины. К слову, это оказалось недалеко от того места, где я останавливался во время своих предыдущих поездок. Ставить лагерь на Круглом острове всегда было рискованным занятием. Например, во время первого моего путешествия сюда в норах под нашей палаткой гнездились сотни буреви́стников. Как только стемнело, птенцы начали кричать и звать друг друга, сливаясь в хаос подземного хора. Затем они появились возле нашей палатки и начали не только залезать внутрь, несомненно, думая, что это милая нора, которая почему-то находится снаружи, но и карабкаться на неё, чтобы съехать вниз, словно стены палатки были склонами для спуска на лыжах. Звук их когтей, скребущих по брезенту, способствовал сну не больше чем скрип ножа по тарелке.

Лагерь экспедиции на Круглом острове.

Я предупредил Ли о возможности быть разбуженной птенцами и она с энтузиазмом подумала, что это было бы очень забавно. Тем не менее, к моему облегчению, оказалось, что сезон размножения буревестников уже закончился и поэтому я с нетерпением ждал бесперебойного ночного сна, без сильно неприятно пахнущих птенцов буревестника, пытающихся залезть в мою кровать или громко кричащих мне на ухо. Но этого не случилось. В тот момент, когда начало заходить солнце, вдруг из ниоткуда появились буквально сотни тысяч крошечных темных ночных мотыльков, каждый в пятую часть дюйма величиной. Они посчитали наши лица и нашу палатку абсолютно неотразимыми. По их мнению, мы были самыми восхитительными созданиями, с которыми они сталкивались в своей короткой жизни. Мириады мотыльков собралось вокруг нас. Через несколько минут вся палатка была заполнена ими, а ее стены были похожи на чёрную порхающую груды. Хоть и стояла жара, в отчаянии мы закрыли палатку, но это не составило проблемы для мотыльков, ведь они были достаточно малы, чтобы пролезть через мельчайшие щели. Вместо того чтобы провести ночь взаперти с огромной массой ночных бабочек, мы решили взять свои одеяла и отправиться в горы. Но и здесь было не лучше. Мы все были покрыты мотыльками с ног до головы: они ползали по нам, в наших волосах, в носу, в ушах. Одним шлепком мы могли убить пять сотен этих созданий, но вскоре другие пять сотен занимали их место.

- Разве ты не рассказывал, что когда-то коллекционировал бабочек? – спросила Ли, выплевывая мотыльков изо рта.

- Да, - ответил я раздраженно. – Раньше я немного увлекался этими чертовыми тварями, но после этого, пусть лучше мне докучают птенцы буревестника.

- По крайней мере, тебя не клонет в нос буревестник, - сказала Ли.

- Вряд ли это можно назвать утешением, - заметил я.

- Какую увлекательную жизнь ведут натуралисты, - сказала Ли, - сплевывая целую бригаду чешуекрылых, - такую романтическую, такую интересную.

Мы были рады увидеть, как рассвет окрашивает небо в мандариновый цвет, напротив которого пальмовые деревья стояли черным силуэтом, пока вокруг них висел серый туман, и мотыльки скрылись в своих дневных убежищах.

К полудню следующего дня мы отловили положенное количество сцинков Тэлфера и для этого отправились подальше от дерева пикников – на расстояние, какое только могли преодолеть. В предыдущий раз мы собрали нашу первую партию возле дерева пикников, и поэтому хотели убедиться, что наше новое пополнение будет с другого участка. Возможно, поймать сцинка Тэлфера руками не сложно, но на Круглом острове это утомительное занятием из-за жары, а иногда это и опасное предприятие из-за горячей и непрочной поверхности. Я говорю это по-своему горькому опыту: не весело беспорядочно скользить вниз по скалистому ущелью на спине, используя локти для торможения. В доказательство этого у меня сохранились шрамы. Итак, чтобы поймать сцинка, необходимо заманить его в ловушку из тонкой нейлоновой петли, которая крепится к концу длинной бамбуковой палки. Вы медленно и осторожно пробрасываете петлю через голову и передние ноги, а затем резким движением туго её натягиваете, чтобы схватить сцинка и поместить его в мешок, где ему было бы достаточно удобно до тех пор, пока в базовом лагере вы не сможете его выпустить и разместить в соответствующую клетку.

Найти и отловить другой вид – геккона Гюнтера - было более трудным делом. Около сотни этих рептилий жило в диком состоянии, и их чудесный камуфляж делал их трудными для обнаружения. Они приспособились к жизни на пальмах и их бархатистая кожа – пятнисто-серая и шоколадная, напоминающая лишайник, скрывала их на коре дерева. С маленькими присасывающими подушками, которые есть на их пальцах, они могут перемещаться вверх и вниз по стволам деревьев, как мухи по оконному стеклу. Тем не менее, несмотря на трудности, к окончанию дня у нас были здоровые особи обоих полов, чтобы пополнить нашу колонию для разведения на Джерси.

Более ста сцинков Тэлфера, находящихся под угрозой исчезновения, были выращены в неволе с 1976 г.

Но главным триумфатором этого дня был Джон. Мы проводили время за исследованием разогретых, высоких и колючих низкорослых скоплений пальмовых деревьев, которые являются излюбленным местом обитания одного из видов удавов Круглого острова. Это кропотливое и утомительное занятие. Во-первых, их сохранилось только около семидесяти экземпляров, не скажешь, что они были обычными. Во-вторых, они хорошо сливаются с окружающей их средой и, как правило, ведут себя тихо, поэтому их трудно обнаружить. Ли, Джон и я просто осматривали, наверное, наше сотое пальмовое дерево по счету, когда Джон издал триумфальный крик и начал танцевать вокруг, размахивая руками, выглядя как исключительно долговязый журавль, исполняющий брачный танец.

- Быстрее, быстрее! – кричал он. – Я нашел!

Ли и я побежали к нему и окружили пальму на случай, если змея попытается удрать с нее. Убедившись, что змея не сможет сбежать, Джон засунул руку в пальмовую листву и умело поймал ее за шею. Тогда я осторожно начал раскручивать тело удава с помощью Ли и мы вскоре извлекли его из логова. Это был самый большой удав, которого мы поймали за сегодняшний день и, к нашей радости, он оказался самкой, которая нам была очень нужна.

- Разве она не красавица? – кричал Джон от радости. – Положительный Пифагор!

- Что это такое – «положительный Пифагор»? – спросила озадаченная Ли.

Я объяснил, что это случилось в те дни, когда мы еще держали рептилий на Джерси в переоборудованном гараже, и животных приходилось доставать каждую неделю из клеток, чтобы почистить их жилища. Среди наших рептилий у нас был огромный, красивый, но очень злой питон по кличке Пифагор длиной около двенадцати футов. Во время уборки его нужно было извлекать из клетки и помещать в корзину для белья. Джон, который возглавлял отдел рептилий, предупредил, чтобы никто не чистил жилище Пифагора в одиночку, так как это было опасно. Однако, однажды утром, Джон безрассудно попытался сделать это самостоятельно. Мне повезло, я проходил мимо Дома рептилий и я услышал

Джон Хартли осматривает удавчика Круглого острова, которого он только что поймал.

крик о помощи. Я поспешил туда, и обнаружил Джона, который был обвит с ног до головы словно майское дерево кольцами Пифагора. Я схватил питона за хвост и начал его раскручивать. Но также быстро как я его раскручивал, он обвивался вокруг меня, пока Джон и я полностью не были запутаны в кольцах рептилии. В конечном итоге мы оба должны были звать на помощь до тех пор, пока другой сотрудник не пришел к нам на выручку в этот неловкий для нас обоих момент.

Очень досадно, когда приходится покидать такое место, как Круглый остров всего через пару дней, если у тебя впереди есть шесть недель и ты мог бы заняться за действительно разумной экологической работой и узнать очень многое о флоре и фауне острова. Но нам сопутствовала удача, и было удовлетворение, от того, что островные рептилии были немного безопаснее сейчас, чем они были раньше, до того момента, когда мы прибыли. Прелесть попыток спасти Круглый остров заключается в том, что мы не должны запрещать человеку что-либо делать. Практически в каждом месте, где мы работали, чтобы сохранить исчезающие виды, необходимо было способствовать тому, чтобы люди прекращали рытьё, строительство, вырубку деревьев и так далее. Но на Круглом острове человек нанёс свой ущерб сто восемьдесят с лишним лет назад. Ему понадобилось совсем немного времени, чтобы открыть несколько ящиков и выпустить кроликов и коз. Коз уже нет, и мы надеемся, что в один прекрасный день не станет и кроликов. Сейчас вы можете увидеть доказательства опустошения земли этими существами: куда ни глянь – всюду есть норы вырытые ими, что способствует большой эрозии, верхушки пальм откусываются, происходит задержка роста растительного покрова, из-за чего сложнее становится удерживать почву, чтобы она устояла под натиском ветра и дождя.

Возможно, мы сможем остановить разрушительные процессы, чтобы помочь сохранить этот умирающий остров через естественное восстановление. А тем временем мы будем разводить сцинков, gekkonov и удавов, чтобы быть готовыми вернуть их в естественную среду обитания через некоторое время в будущем. Но в идеале, как ни странно, нас всех делает счастливыми закрытие всех наших колоний по разведению, потому что остров стал бы безопасным и эти уникальные рептилии больше не нуждались бы в нашей помощи.

Колония
летучих мышей
острова Родригес

Огромное голубое раздолье Индийского океана, в котором были разбросаны Маскаренские острова, настоящий рассадник для циклонов. Здесь они рождаются и, нося обманчиво-скромные женские имена, жестоко рыскают, всегда готовые вдруг развернуться и с криком наброситься на остров в самый неожиданный момент, взбивая волны так, что они кажутся пенящимися монстрами, избивая землю ветрами, словно твердые кулаки рвут и искореняют деревья, играют с домами, будто они сделаны из картона. Кроме нанесения вреда человеческим жизням и имуществу, эти циклоны чрезвычайно опасны для флоры и фауны островов. Особенно для тех видов, количество которых незначительно или кормовые запасы которых ограничены. Продолжительность циклона также важна. Например, для птиц или летучих мышей, которые не могут летать во время таких гигантских порывов ветра, и, таким образом, они не могут питаться. А в моменты затишья, когда ветер стихает, они находят деревья уже без листьев и фруктов. Также они не находят насекомых от которых остался лишь прах. Среди многих циклонов, которые навредили Маскаренским островам в последнее десятилетие, кажется, что все они без исключений выбрали именно остров Родригес, чтобы сорвать свой гнев на нем. Например, в 1968 году один циклон с соблазнительным именем Моника, налетел на остров и набросился на него ветрами со скоростью 170 миль в час.

На Родригесе было два вида животных, которые срочно нуждались в нашей помощи, из-за разрушения среды обитания людьми и циклонами. Один из них – восхитительный и галантный небольшой родригесский фоди: жёлтая с оранжевым и черным цветами птичка, которая была около сотни лет назад довольно обычной на острове. Но с постоянным исчезновением среды обитания, вместе с появлением намного более выносливого и легко приспосабливаемого мадагаскарского фоди, который соперничает с ним за скудные запасы еды, эта маленькая привлекательная птичка оказалась в ужасных условиях. Затем пришла дьявольская Моника, которая словно кошка закончила играть с островом и ушла с криками в океан, после чего в живых оставалось всего шесть пар

Колония милых фруктовых летучих мышей острова Родригес – самых редких летучих мышей в мире.

фоди - двенадцать маленьких, хрупких птиц для продолжения рода. Кажется, еще немного и они совсем исчезнут, но фоди имели немного удачи. Различные циклоны на несколько лет оставили остров в покое. В течение этого спокойного времени птицам удалось увеличить свою численность до более чем ста пар. Это было замечательно, но все мы задавались вопросом, что произойдет, когда снова обрушится циклон. Возможно, этот циклон будет даже более разрушительным, чем Моника? В качестве меры предосторожности правительство Маврикия решили отловить шесть пар фоди и разместить их на Джерси, чтобы создать колонию для разведения. Теперь, после нашего возвращения два года спустя, дикая популяция стала другой, чем в период циклонического воздействия, поэтому мы стремились посетить остров и посмотреть, как они выстояли под этим натиском.

Другой островной вид, который давал повод для беспокойства – прекрасная небольшая очаровательная фруктовая летучая мышь, которая, вероятно, является самой редкой летучей мышью в мире. В 1976 году по нашим оценкам, общая численность ее мировой популяции колебалась между 120 и 130 особями, и также в качестве меры предосторожности, правительство Маврикия попросило нас отловить достаточное количество особей, чтобы создать две размножающиеся колонии – одну на Джерси, а другую в вольерах на Черной речке. Наша джерсийская колония процветала и увеличилась с первоначальных десяти до более чем тридцати особей, но, тем не менее, мы чувствовали, что было бы полезно для нашего успеха размножения, получить хотя бы одну-две особи из этого посещения, чтобы расширить имеющийся у нас генофонд.

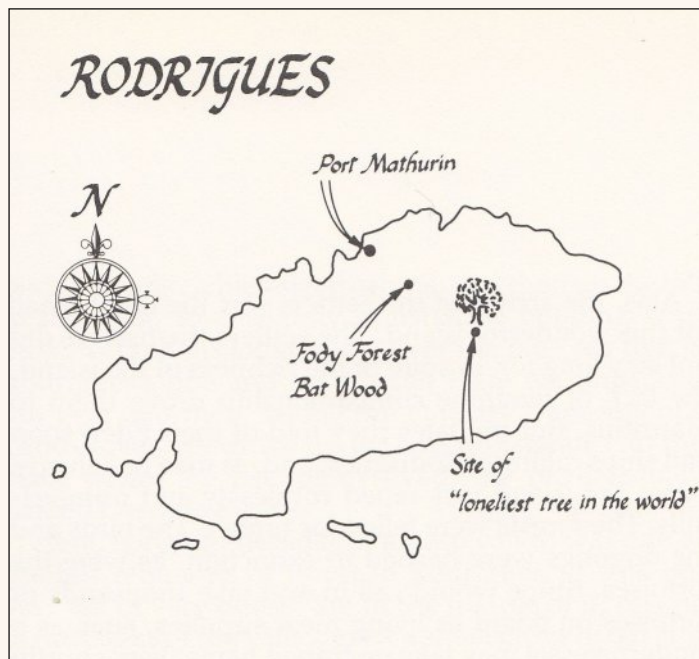
Остров Родригес полностью окружен коралловым рифом, обнажающийся на многие километры во время отлива.

Посадка в крохотном аэропорту Родригеса.

Родригес находится в 360 милях от Маврикия и полет в его крохотный аэропорт проходит над безбрежным голубым ковром Индийского океана. Когда вы смотрите на сверкающие голубые просторы внизу, они вам наглядно напоминают, что большая часть мира покрыта водой. После часа полета вы можете различить тусклое коричневое пятно на горизонте, которое и является островом. Когда вы приблизитесь поближе, то сможете рассмотреть бурый выветренный пейзаж, жалкие крошечные очаги зелени в долинах и весь остров, окруженный рифом, защищающий остров, о который постоянно разбиваются волны и мнетса пена как гигантский кружевной манжет.

Сегодня на Родригесе не хватает леса и он кажется настолько сухим, что трудно поверить, что когда на нем в 1691 году впервые поселилась группа из девяти гугенотов, которые спасались от преследования во Франции, они окрестили поселение Эдемом, поскольку им был предоставлен плодородный щедрый остров. Среди этих первых поселенцев был Франсуа Лега, проникательный наблюдатель, и именно по его письменному описанию острова, можно представить каким волшебным местом он являлся.

Остров Родригес в Индийском океане в 360 милях от Маврикия.

Вначале остров был густо покрыт лесами с сотнями видов деревьев и кустарников, поэтому, когда семена поселенцев, так тщательно привезенные из Франции, отказались расти, это едва имело значение для природы. Ведь этот рай и без того был богат и щедр. Фрукты и овощи повсюду росли в изобилии. Поселенцы делали вино и другие спиртные напитки из пальмовых деревьев. Огромный, пенистый передник на рифе, обнажающийся на многие километры во время отлива, кишел тысячами рыб, устриц, омаров и крабов. В лагунах, питаясь морскими водорослями, паслись стада массивных, спокойных и легко добываемых дюгоней — гигантских млекопитающих, напоминающих тюленей, чье мясо и туши давали ценный жир. Внутренняя часть острова была не менее щедрой. Птицы водились в изобилии и, не имея никаких врагов стали ручными и их было легко поймать. Наиболее легкой в этом отношении добычей была нелетающая птица размером с индейку называемая пустынником (родригесский дронт), которая, как и дронт вскоре вымерла. Остров также был полон гигантских черепах, каждая из которых была размером с большое кресло, что неторопливо гуляли тысячами в лесах. Эти огромные рептилии были настолько обычными, что Лега писал: “Иногда вы можете увидеть две или три тысячи особей в их стаде, так что вы можете пройти сотню шагов по их спинам, ни разу не ступая на землю”.

Увы, прибытие переселенцев явилось похоронным звоном для этого замечательного острова. Сами по себе переселенцы не оставались надолго, несмотря на богатство острова. Отсутствие женского внимания увлекало их на Маврикий. Но рассказы, поведанные ими об их Эдеме, вскоре привлекли на Родригес корабли и, как обычно поступает человек, остров был безжалостно и немилосердно изнасилован. Леса вырубались на древесину, птицы и дюгоны были обречены на вымирание, тоже получилось и с черепахами. Корабли, наведывавшиеся на остров, тысячами забирали черепах на борт в качестве живых источников мяса, так же как современные суда берут к себе на борт консервированную ветчину. Очень скоро после начала деятельности человека количество животных сократилось и они исчезли, исчез и лес, и рельеф этого “райского сада” стал шелушиться от эрозии, как после нападения саранчи. Таким образом, за триста лет человек в результате бездумной алчности превратил богатое и красивое место в то, чем оно является сегодня – едва ли не пустыня, дом для 35000 человек, которые владат маргинальное существование рыбаков или мелких фермеров, осуществляющих бессистемную торговлю с Маврикием.

Хотя, говоря экологическим языком, Родригес и можно назвать зоной бедствия, но он имеет все очарование маленького, далекого и залитого солнцем острова, населенного добрыми и дружелюбными людьми. Мы отправились в Порт-Матурин - столицу размером с носовой платок. Затем подня-

Местные рыбаки на Родригесе занимаются повседневным ловом рыбы.

лись на холм, где располагается низкое, длинное, слегка ветхое здание с широкой верандой, с которой открывается отличный вид на лазурное море – единственный отель на Родригесе. Здесь мы распаковали наши вещи и, взяв лендровер лесного департамента, отправились на разведку в место, где жила колония летучих мышей, красочно названное Голубиным ущельем.

Здесь в глубокой долине находились одни из последних остатков лесов Родригеса. Лес был не то чтобы очень высоким или очень плотным, но в чаще одной из сторон долины росла небольшая роща старых и пышных деревьев манго. В глуби полумрака их блестящей зеленой листвы нашли пристанище фруктовые летучие мыши Родригеса, где они противостояли своему исчезновению. Непосвященного человека, который впервые взглянул на них в бинокль, можно простить за мысль, что люди, которым принадлежали деревья манго, сошли с ума, и держат их из-за урожая странных, пушистых, развевающихся на ветру, шоколадного цвета фруктов. Но, когда летучие мыши зевают и расправляют свои крылья, иллюзии рассеиваются. Теперь вы можете рассмотреть, что за их кожаными темными крыльями скрывается мех, цвет которого охватывает все цвета от лисье-рыжего до золотого. Они выглядят как удивительные миниатюрные летающие медвежата. Такое ощущение возникает из-за сходства маленьких медвежьих мордочек, кнопковидных носиков и круглых ярких глаз.

Большинство людей боятся летучих мышей, что достаточно неразумно, и, по-видимому, это происходит из-за сказок о Дракуле и его роде. На самом деле они очаровательные смысленные небольшие существа, единственные млекопитающие, которые действительно умеют летать и, когда видишь в Голубином ущелье, как они лениво описывают круги и перелетают от дерева к дереву, понимаешь, насколько необычны и изящны их приспособления.

Крыланы, в отличие от их полезных насекомоядных родственников, не обладают встроенными эхолокаторами. Они должны находить еду с помощью своего острого обоняния. В плане, который мы собирались использовать, как и в

Родригесская фруктовая летучая мышь, находящаяся под угрозой исчезновения, популяция которой в 1979 году составляла не более 70 особей.

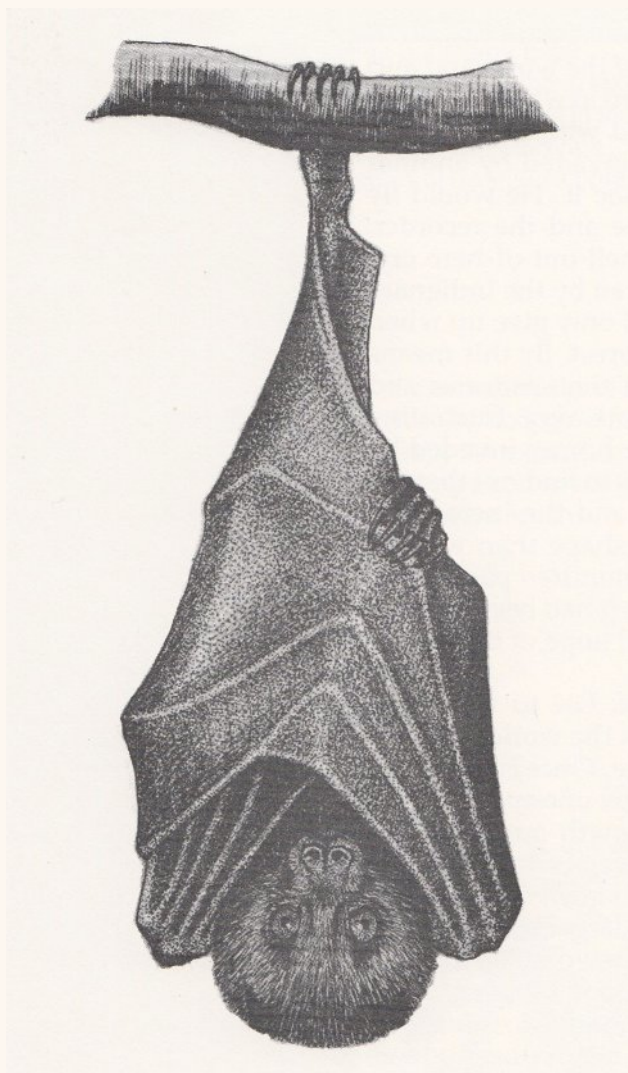
предыдущем нашем путешествии на Родригес, были разнообразные фрукты, которые мы привезли с Маврикия (на бедном и высушенном Родригесе не было такой роскоши). В нашем обширном богатстве бананов, манго, гуав, был и “зловонный” фрукт под названием джекфрут. Этот зеленый бордавчатый плод размером с арбуз рассматривается некоторыми людьми как деликатес и очень трудно, если вообще возможно, представить почему. Его сладкий, тошнотворный и надоедливый запах нечто среднее между вскрытой могилой и основательно забитой канализацией. Мы хранили эти ужасные плоды в плотно закрытом полиэтиленовом пакете, но даже при этом его амбре – если это не слишком восторженное слово – просочилось и пропитало все. В аэропорту Маврикия люди тайком кашляли и глядели на нас с подозрением. Через несколько минут салон самолета к ужасу других пассажиров пропах джекфрутом. Прибыв на Родригес, мы и все наше снаряжение не пахло ничем кроме джекфрута. Даже Ли, несмотря на щедрое использование одеколона, источала ошутимый запах, чем ставила под серьезный вопрос нашу свадьбу. Наш план состоял в том, чтобы подвесить все фрукты на поляне возле колонии летучих мышей, а затем окружить их сетями в которые (как это было в прошлый раз) животные должны были попасть в поисках приманки. Мы закончили наши ловушки в сумерках, когда летучие мыши, болтая и с громким скрипом хлопая крыльями, готовились улететь вниз по долине в поисках пищи. Тогда мы спрятались в кустах и стали ждать, потому что нельзя было просто так оставить ловушку и вернуться утром после освежающего ночного сна. Вы, вероятно, обнаружили бы некоторых летучих мышей в ловушках поврежденными в своих попытках освободить себя. Вы должны были оставаться на всю ночь, готовые распутывать сеть, чтобы освободить маленьких крыланов, как только они туда попадут. Мы расселись, джекфрут вонял, будто склеп, на тридцать футов вокруг нас, поэтому мы переместились в дом, в котором собралась вся популяция комаров Родригеса.

Колония летучих мышей
висящих как странные фрукты
на деревьях в лесу.

Коллекционирование диких животных, мягко говоря, непредсказуемое занятие. Вам может повезти, и вы сразу поймаете нужное животное, а можете безрезультатно прочесывать лес целыми днями и узнать, что горничная поймала его под вашей кроватью в отеле. Этот случай должен явиться примером полного разочарования. За три изнуряющие, пахнущие джекфрутом и полные комаров ночи мы поймали только одного самца летучей мыши, но он был бесполезен для нас. Летучие мыши игнорировали наши благоухающие приманки, но мы считали, что это было хорошим знаком. За последние несколько лет на острове выпало беспрецедентное количество осадков и как следствие леса процветали, расширились и разрослись. Летучие мыши получили больше мест для кормежки. С точки зрения сохранения вида, это была отличная новость, но было немного трудно испытывать энтузиазм в три часа ночи, когда ты делишься своими кровяными тельцами с огромным количеством ненасытных комаров.

С летучими мышами у нас не вышло. Но мы были более успешными в нашем втором задании – в попытке провести перепись фоди, чтобы посмотреть, как изменилась их численность. Именно здесь начала действовать Ли, потому что, как я уже объяснял, она провела два года на Мадагаскаре, изучая общение животных, или, говоря научным языком, их коммуникацию. Теперь мы знаем, что большинство животных используют звуки более сложным образом, а не так как мы привыкли считать. Возьмем, к примеру, пение птиц. Одно время люди считали, что птицы поют, когда они счастливы, или, когда их партнер отложит очередное яйцо. Но сейчас мы обнаружили, что свои песни и другие звуки они издают по многим причинам. И спектр этих причин широк. В случае с пением птиц, то с помощью песен самец обозначает границы своей «частной собственности», и для другого самца услышать эту песню означает, что эта территория занята – на нее предъявил права поющий хозяин. Используя территориальные инстинкты птиц, можно узнать многое об их количестве и территории. Это работает следующим образом. Ли хитростью и терпением получила запись поющего свою территориальную песню самца фоди. Затем эту запись она проиграла

Родригесская фруктовая
летучая мышь.

на другом участке леса. Сразу же самец, на чьей территории проигрывалась эта песня, становился возмущенным от негодования. Он был уверен, что на его территорию напал другой самец фоди, даже если он его не видел. Он слетал на землю в

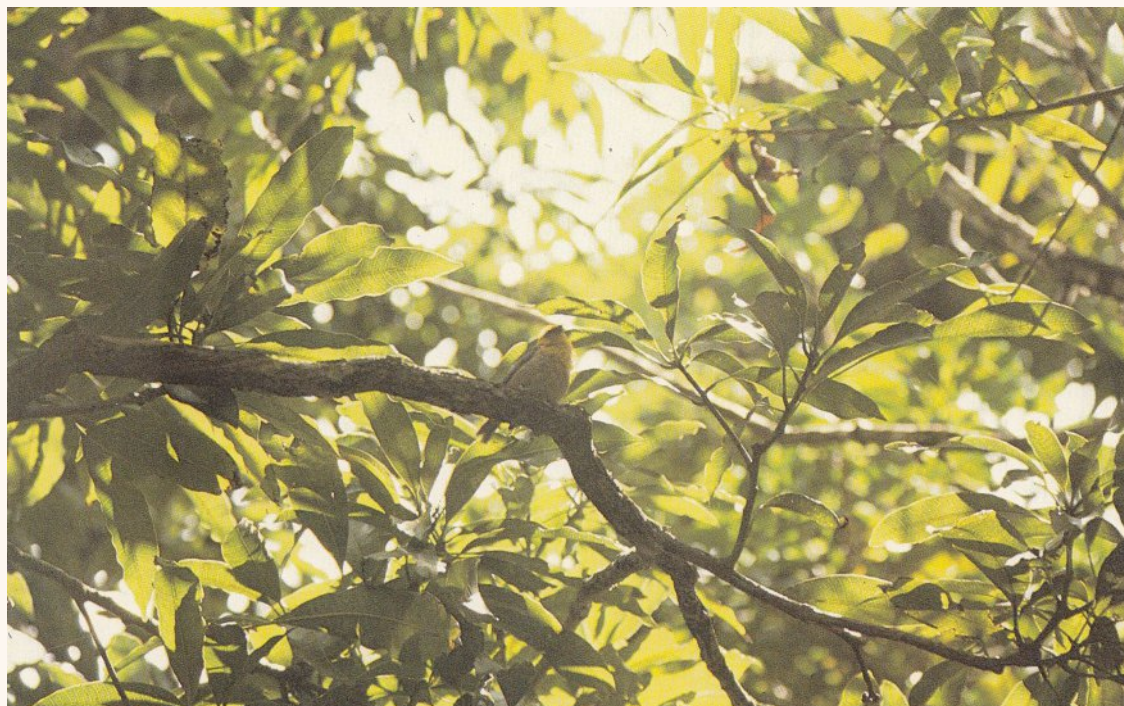
нескольких футах от Ли с магнитофоном, произнося свою брань и устрашающе крича «убирайся отсюда». Ли ходила туда-сюда, преследуемая негодующим владельцем территории, который прекращал свои крики только тогда, когда она покинула пределы его участка леса. Таким способом она могла определить размеры участков и количество птиц, обитающих на них. Это очень расстраивало несчастных самцов фоди, которые были уверены, что их участки были захвачены невидимым противником. Но это действительно помогло нам узнать, что популяция птиц была в гораздо лучшем состоянии, чем мы предполагали, благодаря дождям и увеличению количества молодой поросли. Общее количество составило более сотни пар – не много, но и значительно выше, чем было раньше. Мы считаем, что появилась реальная надежда на восстановление этого вида замечательной небольшой птицы.

Прежде чем мы покинули Родригес, я показал Ли то, что называется самым одиноким деревом в мире – замечательный гибискус, который больше нигде не произрастает. Раньше он был обычным растением на всем острове, а сейчас сохранился только один экземпляр. Это было крепкое рослое растение очень сильно побитое циклонами. Было видно, что его нежные побеги были объедены бродячими козами, а несколько ветвей побольше были сломаны предположительно для растопки костра. Мне казалось, что в таких условиях бедный гибискус не выживет, но затем я обнаружил интересную вещь. Небольшая местная школа попросила меня поговорить с учениками, а когда я пришел, то они гордо показали мне, к моему удивлению, крепкий молодой гибискус в горшке. Видимо, осознавая редкость вида, местная школа усыновила его и взяла несколько черенков. Некоторые были отправлены в Королевские ботанические сады в Лондоне, где, к сожалению, они не выжили. Но один черенок рос и

Крошечный, но крепкий малыш гибискуса, взятый от прекрасного родителя, в надежде на спасение этого редкого вида флоры Родригеса.

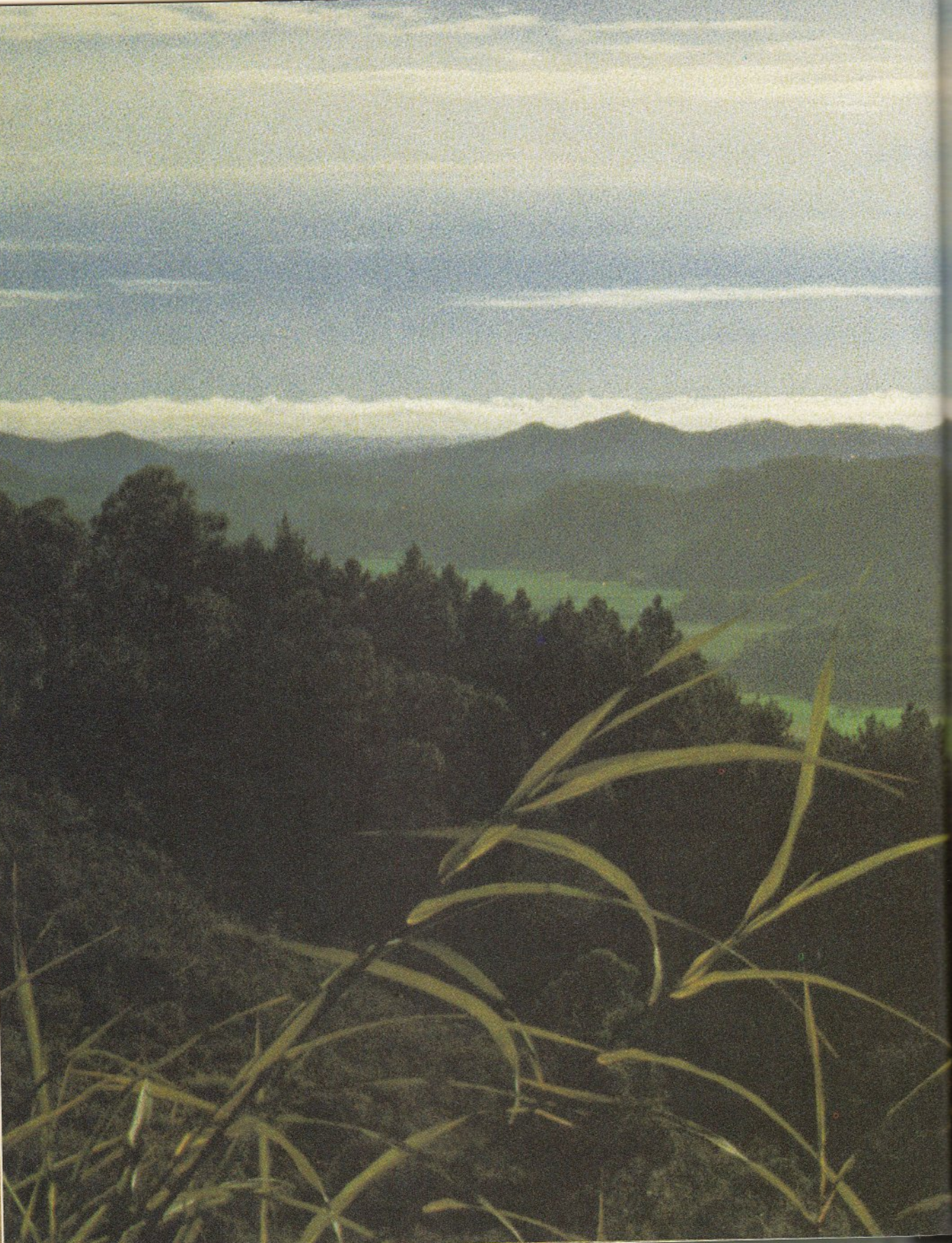
Одна из ста пар красивого небольшого родригесского фоди, подсчитанных экспедицией, и возвращенного от края исчезновения.

развивался. Когда я его видел, он был около фута в высоту. Школа намерена взять ещё черенки в надежде, что они примутся, и, однажды, гибискус станет обычным растением, как это и было раньше. Кто его знает, но Родригесу необходимо каждое растение и мы надеемся, что гибискус выживет, благодаря детской заботе.

Мадагаскар -
остров
сокровищ

Самолет летел в бриллиантово-голубом небе, в то время как Мадагаскар, четвертый по величине, и, возможно, самый важный с точки зрения биологии остров в мире, начал разворачиваться в ста тысячах футов под нами. Вскоре полоса леса на востоке, сложный ковер из зеленых, красных и пурпурных красок, уступила место обнаженным, лишенным растительности нагорьям. Здесь можно было увидеть выветренный ландшафт огромных территорий с морщинками как кожа у черепахи, кроваво-красного цвета, и кое-где в долинах виднелись клочки травы или леса нефритово-зеленого цвета. Я знал, что на окруженном лесами острове мы сможем найти захватывающую дыханием коллекцию животных и растений, так как Мадагаскар с зоологической и ботанической точек зрения является сокровищницей уникальных форм жизни. Это дом для невероятных лемуров и место охоты странных мангустоподобных хищников, которые больше нигде не водятся. Здесь живет более сорока пяти видов хамелеонов, и в то время как Африка может похвастаться только одним видом баобабов, то на Мадагаскаре их девять. В этом живом музее есть странные птицы, млекопитающие, рептилии, насекомые и растения, которых вы больше нигде не увидите. Как все эти существа оказались здесь — удивительная история.

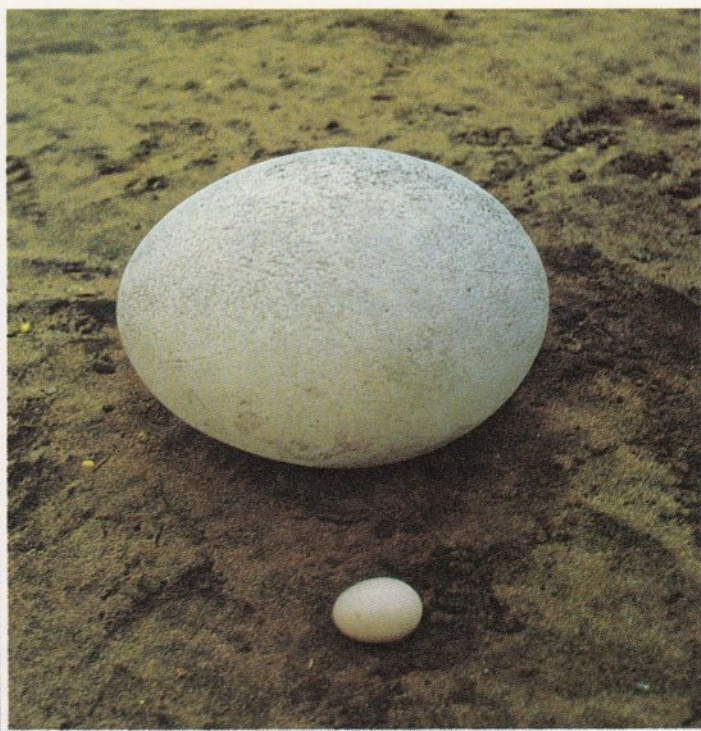
В течение долгих лет зоологи были озадачены распределением животных в мире - оно казалось случайным, мозаичным и весьма любопытным.

Почему, например, слоны появились в Африке и Индии, а не в Австралии? И соответственно, кенгуру в Австралии, но не в Африке? В течение долгих лет это оставалось загадкой, но совсем недавно, были найдены новые доказательства для подтверждения идей зоологов — теория о движении континентов. Теперь мы знаем, что в то время, когда жизнь развивалась на Земле, география Земли также не стояла на месте. Она до сих пор незаметно меняется - огромные континентальные массы или удаляются, или приближаются друг к

другу. Более миллиона лет Земля была покороблена и изменена вулканическими силами и сдавлена морем, а континенты напоминали гигантские гранитные плоты, которые плавали туда-сюда по земной мантии из плотного, но жидкого базальта. По одной из теорий все южные земные континенты были соединены вместе в одно большое нагромождение, которое называлось Гондвана, и, как растения, так и животные могли свободно перемещаться, поэтому огромному континенту. Но потом она начала разделяться, как пазлы, формируя Южную Азию, Южную Америку, Африку и Австралию. Так как континенты отдалялись друг от друга, то они тащили с собой животных и растения, и таким образом они развивались дальше своим путем без контакта с другими континентальными «плотами».

Около ста миллионов лет назад, большая земная масса в форме листа откололась от восточной Африки и поплыла в Индийский океан, чтобы стать Мадагаскаром. Основная часть его прекрасного сбора растений и животных произошла от африканских форм той древней эпохи. Но совсем недавно, около шестидесяти миллионов лет назад, остров был еще в пределах «лесосплавного» расстояния от Африки и поэтому ранние формы обезьян – полуобезьяны – могли приплыть из континентальной Африки на массивных стволах деревьев, которые вырвались с корнем наводнениями и прибивались волнами к берегам Мадагаскара. Плоты привезли и другие живые грузы – семена, споры, рептилий, насекомых и другие формы млекопитающих. Мадагаскар интересен тем, что его обитатели возникли во времена Гондваны и самых ранних приматов. На протяжении миллионов лет животная и растительная жизнь Мадагаскара эволюционировала беспрепятственно от человека. Она превратилась в фантастическое множество лемурув, диапазон которых расходится от чёрно-белых индри, размером с шестилетнего ребёнка, до хрупких мышинных лемурув с большими глазами, трое из которых могут поместиться в чашку, показывая нам альтернативные пути эволюции наших ранних африканских предков. Здесь бы-

ли и другие экстраординарные животные, но они начали исчезать из-за деятельности человека: десять видов крупных лемуров, один из которых достигал размеров теленка, гигантская черепаха и двадцатичетырехфутовый крокодил, карликовые бегемоты, валявшиеся в болотах, и бродивший в лесах эпиорнис, или слоновая птица, тяжело шагавшая по подлеску – самая большая, когда либо жившая птица. Напоминавшая увеличенного страуса в десять футов высотой, эта фантастическая птица откладывала яйца, одно из которых могло вмещать в себя два с половиной галлона и которым можно (и вероятно так и поступали) обеспечить омлетом семьдесят два человека. Это совершенно не те яйца, которые вы можете найти в супермаркете. Считается, что, эпиорнис скорее всего являлся прототипом знаменитой синдбадовской птицы Рух, которая могла летать со слонами в когтях.

MADAGASCAR

Nosy Komba

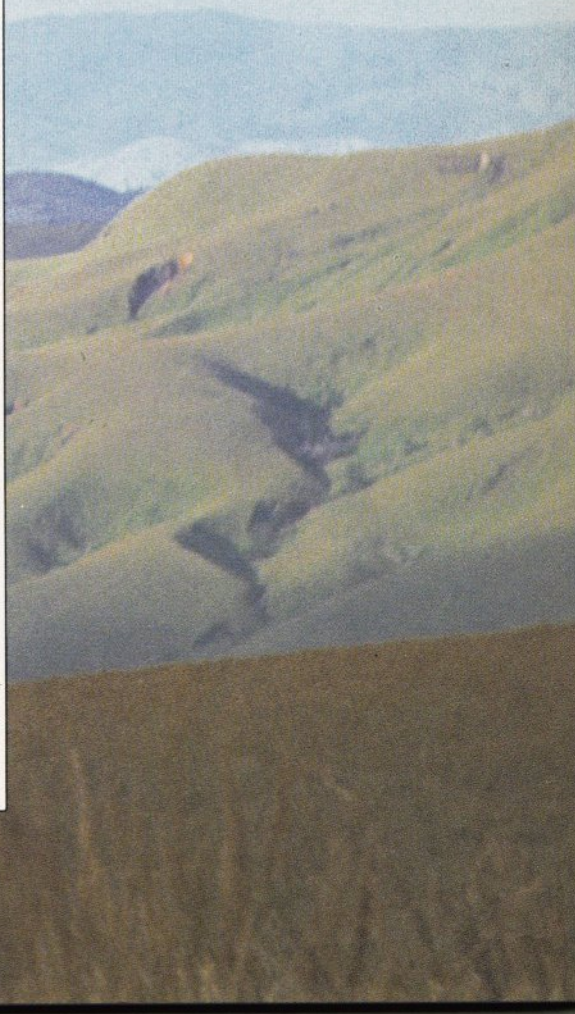
• *Ampijourea*

• *Antananarivo*

• *Perinet*

• *Berenty*

• *Hazofotsy*

Мало того, что все эти существа вымерли с появлением человека, так и среда обитания животных начала изменяться под натиском *Homo sapiens*. Вначале был вырублен лес, чтоб создать сельскохозяйственные угодья, затем созданные луга были сожжены, чтобы дать сладкие молодые побеги для зебу. Завеса дыма висела и до сих пор висит над Мадагаскаром. Остров задыхается в этой пелене дыма, красная земля больше не защищена зеленым пальто леса и смывается. Она ручьями стекает в реки, которые текут, напоминая огромные артерии. Затем эта земля сносится в море гигантской красной мантией. Это Мадагаскар истекает кровью от самопричиненных ран. Подсечно-огневое земледелие, которое не представляло проблему, когда количество населения было небольшим, и у леса был шанс на восстановление, практикуется и сегодня, когда население постоянно растет, и достигло числа почти в десять миллионов человек. Леса находятся также под давлением гигантских стад зебу, которые пасутся без разбора, даже в районах, отведенных под заповедники.

Говоря экологическим языком, человек убивает как Мадагаскар, так и себя, точно также как он поступает и во многих частях мира. Тем не менее, многие малагасийцы полностью осведомлены о своем замечательном экологическом наследии и стараются изо всех сил, чтобы сделать всё для его спасения. Есть отличные биологи, лесники, агрономы и преподаватели на Мадагаскаре, но их проекты нуждаются в финансовой поддержке и их ряды должны пополняться.

За последние несколько лет мы создали на Джерси несколько размножающихся групп малагасийской фауны и достигли в этом деле немалого успеха. Среди них небольшие насекомоядные существа – тенреки. Их существует большое количество разных видов и внешне они напоминают европейских ежей, но вместо того, чтобы свернуться клубком в момент опасности, они просто опускают свою колючую голову вниз к носу и сердито смотрят.

У нас был один из видов - полосатые тенреки, которые имеют черно-белые иголки разной длины, расположенные полосами в его бледно-желтом меху. Эти иглы, как было обнаружено, не только выступают в качестве защитного механизма, но и используются матерью в качестве средства общения с ее обычно большой кучей младенцев: очаровательными маленькими существами. Новорожденные тенреки напоминают выводок колючих шмелей. Когда их много и все они достаточно проворны, мама постоянно их отслеживает, треща иголками на спине, которые производят звуки, напоминающие звуки сверчков. Эти звуки частично являются ультразвуковыми и на него отвечают малыши. Таким образом, беспokoящаяся мать может следить за своей семьей. Тенреки питаются самыми разнообразными насекомыми, а также слизнями, улитками и червями, выполняя на Мадагаскаре роль землеройки, ежа и крота в Европе.

У нас был значительный успех в разведении малого ежевого тенрека. Причиной того, что был выбран такой обычный вид, служило то, что мы считали, что научившись разводить успешно его, мы разработаем методы, которые сослужат нам хорошую службу, когда мы попытаемся создать колонии более редких и уязвимых видов.

Полный подол тенреков

Кормление кошачьих лемуров на Джерси.

Кошачий лемур демонстрирует расцветку своей шерсти и хвоста.

Среди нашей коллекции лемуров на Джерси, одним из самых обычных и, в тоже время, наиболее привлекательным является кошачий лемур: интересное животное, в красивом мехе черного, белого, пепельно-серого и немного рыжего цветов, и с длинным в черно-белых кольцах хвостом. Он выглядит так, как будто был разработан очень известным, очень шикарным и очень дорогим и вероятно очень веселым дизайнером. Вся их художественная цветовая гамма дополняется большими, круглыми мандаринового цвета глазами.

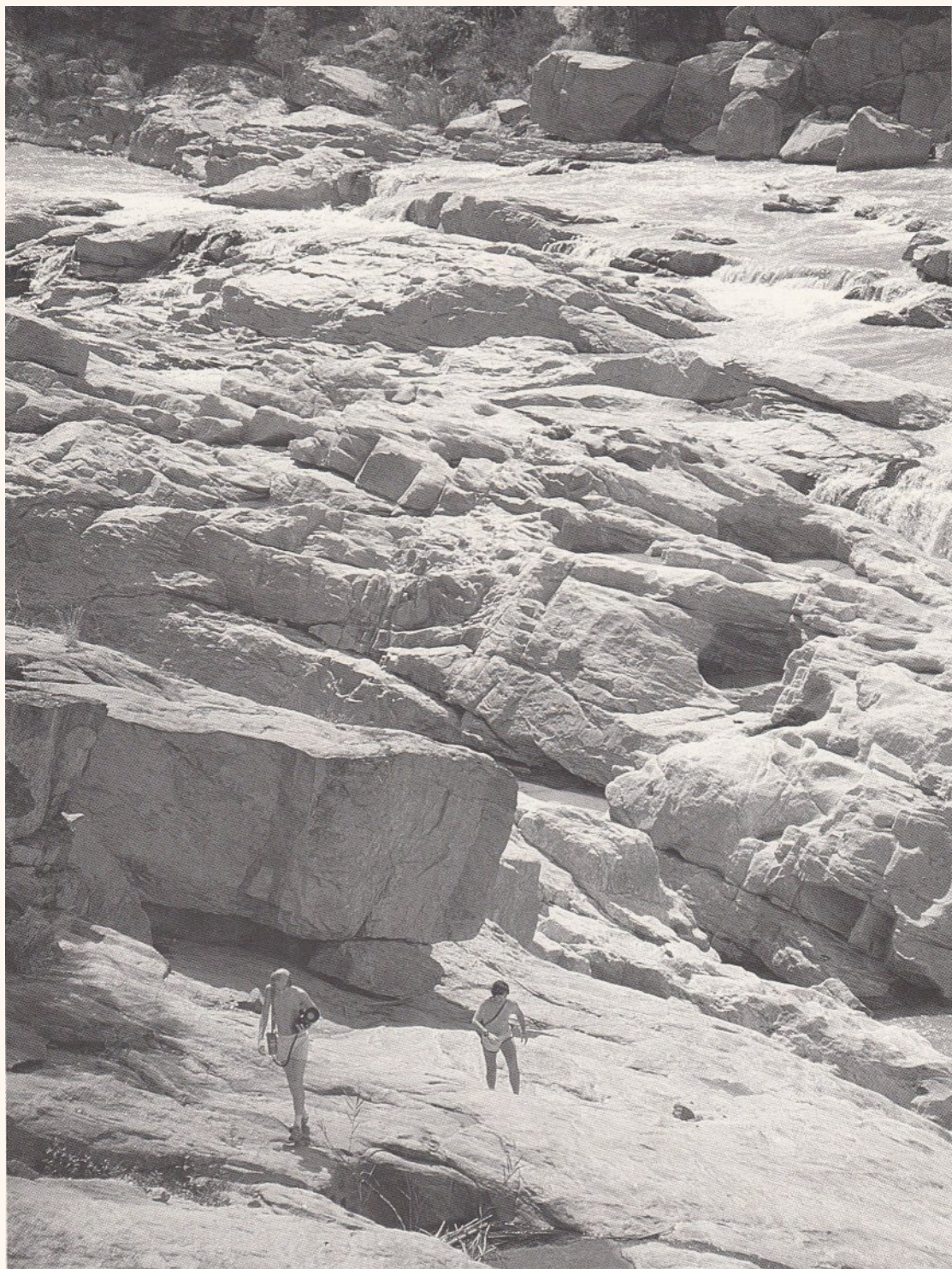
Более редкий вид – бурый лемур – длинноногое стройное существо с мехом, который варьирует от шоколадно-коричневого цвета до цвета кофе с корицей и молоком. Они не настолько потрясающе как кошачьи лемуры: их окраска более размытая и нежная, но они являются более очаровательными, проворными созданиями, которые хорошо у нас разводятся.

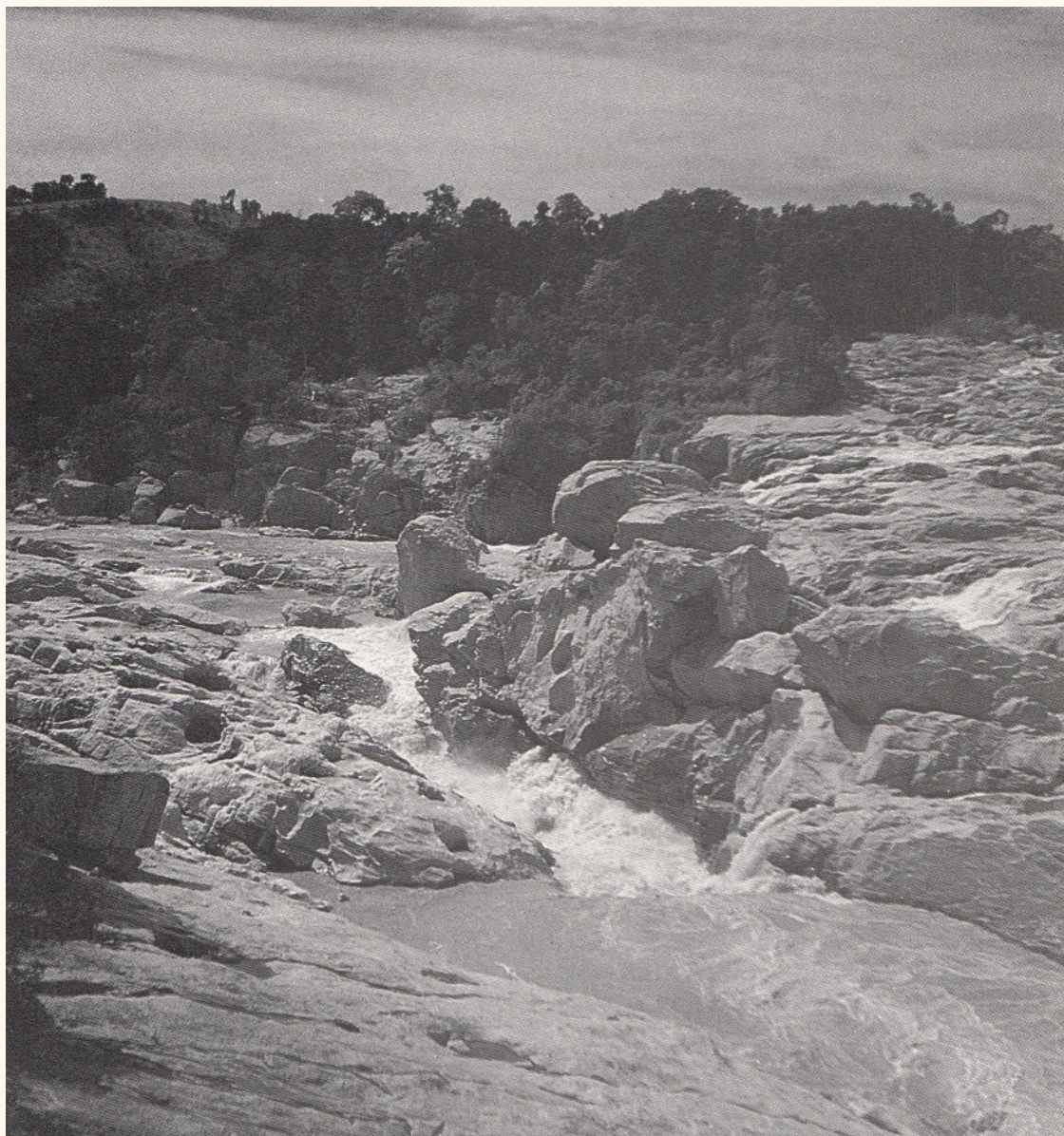

Группа любопытных небольших колючих насекомоядных животных, которые известны как полосатые тенреки.

Мадагаскар кровотоцит: земля острова смывается в море через похожие на артерии реки.

Но, несомненно, самым редким и самым впечатляющим среди наших лемуров был крупный мохнатый лемур вари, размером с большую или среднюю собаку. Они могут быть описаны как большие панды мира лемуров: у них густой мех с черно-белыми узорами и ярко-оранжевыми штрихами разбросанных тут и там. У них большие выпуклые бледно-желтые светлые глаза с диким выражением, как у сумасшедшего, смотрящего с вечным изумлением на деятельность здравомыслящего мира. Эти большие прыгающие красивые существа – мои любимцы среди нашей малагасийской коллекции. Больше всего я люблю в них не их специфический вид, а их песни, которые нужно услышать, чтобы в них поверить. Всегда трудно понять, что их заставляет петь, но обычно два или три раза на день или ранним утром один из них начинает серию резких, пронзительных и очень громких криков – смесь между ревом и лаем. С некоторым интервалом к нему присоединяются другие пока вы не получите целый поющий, оглушительный и устрашающий хоровой ансамбль. Более нервные гости нашего дома роняли чашку обжигающего чая себе на колени, когда впервые слышали как лемуры вари начинали петь. Один доведенный до отчаяния издатель был воскрешен с помощью виски в семь часов утра – так сильно были потрясены его нервы, поскольку он подумал, что сбежали наши снежные барсы. Один мужчина во второй половине дня прогуливал моего друга вдоль рядов клеток. Естественно, он предположил, что он должен быть первым в меню этой красивой кошки гуляющей на свободе.

Редкий, красивый и мохнатый лемур вари смотрит из беседки из листьев.

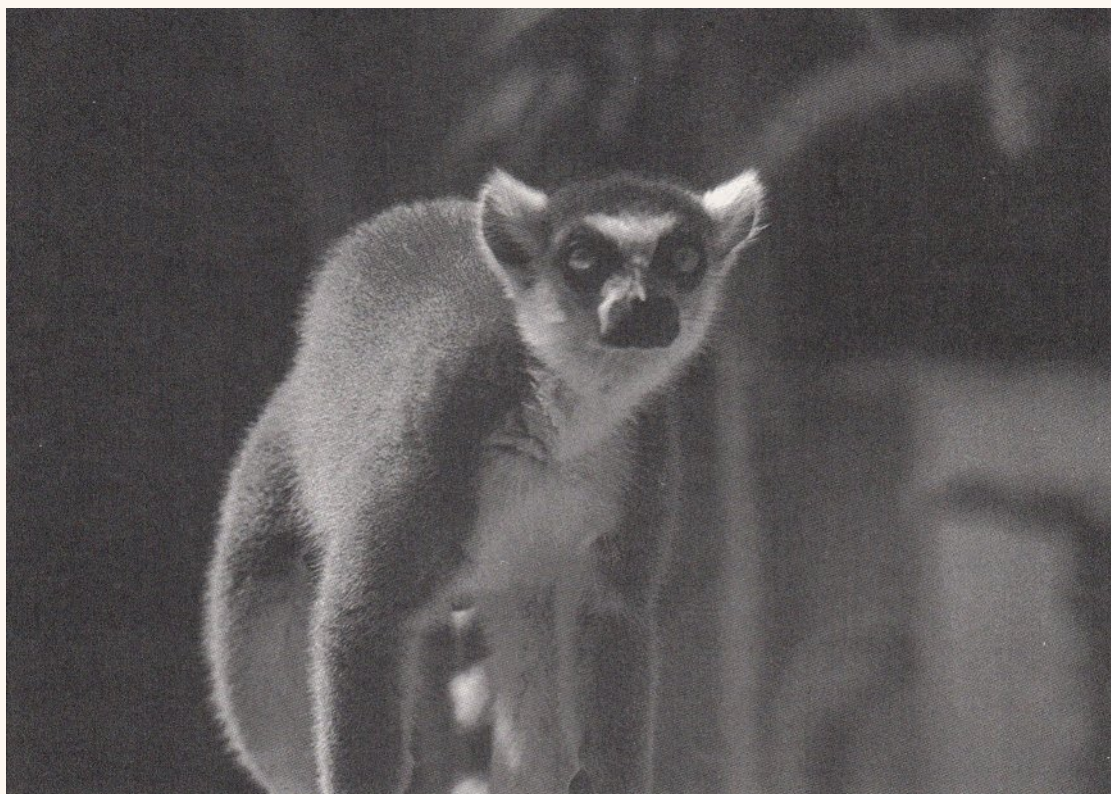
В паузах лемур слушает песни соседей.

Детеныш кошачьего лемура
цепляется за свою мать.

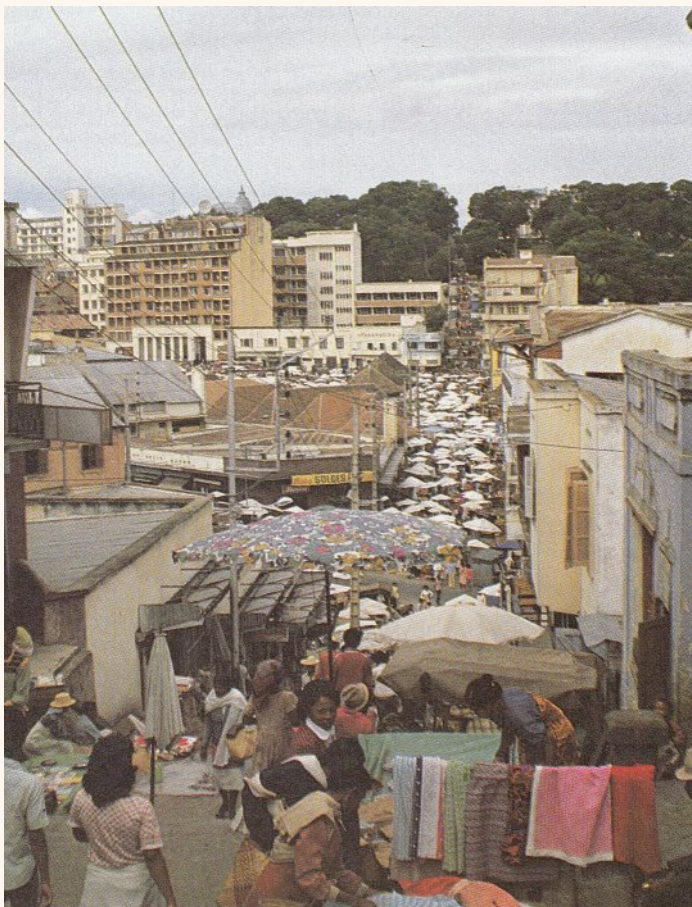

Золотой пристальный взгляд
задумчивого лемура

Антананариву – столица Мадагаскара – красочный, шумный и прекрасный город с грязными домами и любопытной архитектурой в бледно-коричневых и розоватых тонах с многоцветными жалюзи, взбирающийся по обе стороны холма. Он похож на город, построенный из игрушечных кирпичей, мозаично разбросанный на фоне голубого неба. Через центр проходит широкий усаженный деревьями бульвар, проспект Независимости, который раз в неделю превращается в огромный рынок зомба. К счастью, рыночный день совпал с нашим приездом и палатки были установлены вдоль широких тротуаров бульвара, каждая из которых защищалась от солнца белыми брезентовыми зонтиками. Мы обожаем рынки любого рода и зомба, вероятно, один из самых экзотических рынков, которые мне приходилось видеть в разных точках мира. Так мы счастливо бродили и толкались в радужной массе народа, которая носила яркую одежду и разноцветные соломенные шляпы, мы восхищались необычным разнообразием товаров для продажи. Здесь были большие корзины нагруженные горохом, сушеной кукурузой, кус-кусом, сушеными бобами и рисом. По соседству были белые индейки с алыми лицами, утки со связанными ногами, рядом с которыми стояли емкости с водой, сотни кур озадачивающих пышным зрелищем цветов. Здесь были гигантские корзины яиц, яблок, ананасов, манго, апельсинов и других фруктов. Здесь же находились огромные резные деревянные каркасы, корзины из рафий, тростниковые веревки, большие жестяные трубы, окрашенные в веселые цвета, сумки, кошельки и чемоданы, сделанные из толстой кожи. Одежда из хлопка, расшитая в яркие цвета, носовые платки и брюки, сандалии на веревочной подошве. К сожалению, здесь также были коробки с бабочками и чучелами хамелеонов, футляры для драгоценностей и портсигары из панцирей черепах. Здесь были местные драгоценные и полудрагоценные камни, а также хрусталь блестящий как выкуп за короля.

Это был великолепный рынок, заполненный счастливыми улыбающимися людьми. И все это благоухает сотнями цветов, фруктов и животных. Поднимаясь по широким ступенькам, которые ведут к верхней части города, мы обернулись назад на рынок, который с его белыми зонтиками и экзотикой, яркими торговцами, выглядел как огромная грибная поляна с разбросанным многоцветным конфетти. Можно было бы вернуться на Мадагаскар, подумал я, даже только ради захватывающего зомы.

Красочный местный рынок зомы в Антананариву, столице Мадагаскара.

Во время нашего пребывания в Антананариву, когда мы начали планировать наше путешествие, появился наш ангел-хранитель в виде профессора Ролана Альбиньяка, нашего старого друга, который работал на Мадагаскаре в течение нескольких лет. Я должен заметить, что он с изящной черной бородой, бронзовым лицом, орлиным носом и яркими голубыми глазами, выглядел скорее мефистофельски чем ангельски. Но он стал нашим ангелом-хранителем. Мы сидели за небольшим столиком на тротуаре рядом с отелем, окруженные людьми пытающихся продать нам хоть что-нибудь – от серебряных браслетов и рукописных картин-открыток до разноцветных соломенных шляп. После освежающего пива, я изложил различные места, которые мы хотели посетить и назвал животных, которых мы хотели снять. Ролан слушал внимательно.

- Что вы думаете, Ролан? - спросил я, когда закончил.

Ангел-хранитель экспедиции на Мадагаскаре - профессор «Нет Проблем» - Ролан Альбиньяк.

Тогда Ролан произнес свою любимую фразу, которая дала начало его прозвищу и стала лозунгом экспедиции.

- Нет проблем, - сказал он, пожимая плечами и дьявольски усмехаясь.

Таким образом, он немедленно стал профессором «Нет Проблем». И действительно, с его замечательной помощью проблем у нас не было.

Шествие лемуров

BER
RESERVE
H.

В нашу первую вылазку из Антананариву мы вылетели на юг острова - в Форт Дофин, который теперь называется Тауланаро. Это привлекательный, довольно тихий порт, окруженный красивыми, бледно-желтыми пляжами, которые обнимают теплое синее море. Здесь мы остановились достаточно надолго, чтобы насладиться невероятно вкусными устрицами и омарами, которых подавали в изобилии, после чего мы взяли курс к нашей цели – заповеднику Беренти, находящемуся в пятидесяти милях к западу от порта.

Беренти с его колонией кошачьих лемуров является наиболее изученным местом на Мадагаскаре. Заповедник является детищем Жана де Олме. Он владеет большими плантациями сизаля, создание которых, конечно же, уничтожает естественные леса. Но де Олме понимал, что фауна Мадагаскара находится под давлением вызванным захватом или разрушением естественной среды обитания. Тогда он решил создать в Беренти оазис: в обширных сомкнутых рядах колючего сизаля, отгораживая территорию для галереи девственного леса вдоль берегов реки Мандраре. Здесь лес защищен от беспорядочного выпаса зебу и от вырубок человеком, поэтому колонии лемуров здесь не только процветали, но и стали настолько ручными, что они стали удобными объектами для изучения и фотографирования.

Пока мы ехали мило за милей через плантации сухого колючего сизаля, моё настроение ухудшалось, так как я думал о том, как много площадей красивых естественных лесов было сведено, чтобы освободить место для колючих, похожих на кактус, уродливых растений, чьим единственным достоинством было то, что оно обеспечивает население пенькой. С другой стороны Ли все больше и больше переживала о том, чтобы мы быстрее добрались до Беренти, поскольку это было место, где она провела много времени в течение двух лет, проводя свои исследования на Мадагаскаре. И поэтому она знала, что там было припасено для нас.

Вначале дорога шла мимо плантаций сизаля и окружающих их лесов, состоящих в основном из огромных с серыми стволами тамариновых деревьев. Эти тамарины с огромным

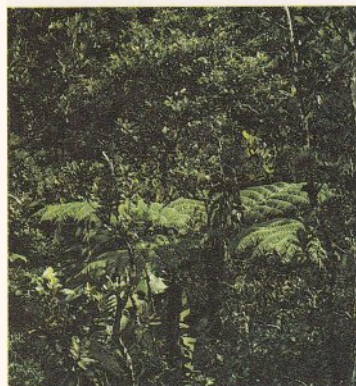
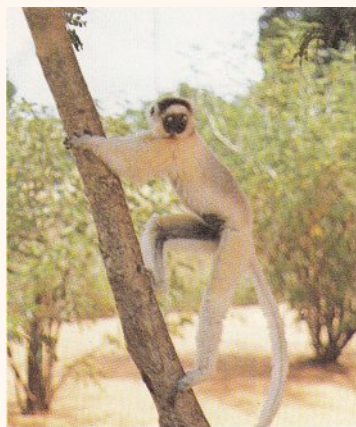

серым стволом. Тамарины составляют основу леса в Беренти и, по сути, они не являются малагасийским видом, так как были завезены арабами пять или шесть сотен лет назад. Они процветали, и лемуры хорошо к ним приспособились: кормясь его различными частями этого растения — от листьев до плодов. Дорога вилась среди этих огромных тенистых деревьев и закончилась у небольшой группы белых зданий, в которых располагались отель и музей, которые де Оме построил для посетителей. За зданиями начинается густой лес, раскинувшийся приблизительно на двухста сорока акрах вдоль берега реки.

Автор и его жена перед воротами специального заповедника Беренти.

Волшебные акробаты
верхушек деревьев –
лемуры сифака.

Прекрасные и изящные
лемуры сифака прыгающие
на деревьях, цепляются за
ветви и вглядываются вниз
на странных посетителей.

С научной точки зрения Беренти приобрел свою известность благодаря своим прекрасным колониям кошачьих лемуров. Естественно, что этих красочно оформленных созданий я хотел увидеть первыми. Но внезапно в мою жизнь ворвался совершенно другой вид лемура, который я никогда не видел прежде, и с того момента, когда он появился перед моими глазами, стал и остается моим любимым детищем Мадагаскара.

Он упал с небольшого дерева на обочине. Нет другого способа описать его появление. Но когда он приземлился, то подпрыгнул так, как будто его задние ноги были пружинами, и пролетел в серии огромных изящных прыжков через дорогу. Он был намного крупнее, чем кошачий лемур. У него было черное лицо, словно рамкой окруженное белым мехом, черная шапочка, и, словно испачканные сажей, руки и ноги. Но остальная часть его густого меха была кремово-белой и выглядела так, словно ее спряли из миллиона одуванчиков. Когда он достиг другой стороны дороги, то остановился и с интересом посмотрел на нас.

- Сифака! Сифака! – вскрикнула с азартным Ли. – Посмотрите, не прада ли он очень красив?

И в самом деле, это было он. На его измазанном сажей черном лице находились вздернутый кнопкой нос и круглые золотые глаза. Его выражение лица напомнило мне в некотором смысле двупалых ленивцев – животных из Южной Америки, которых я страстно люблю. Но сифака действительно покорила мое сердце. Было настолько приятно смотреть на этот образец для объятий, сколько наблюдать за его бесшумными прыжками – удивительными и очаровательными. Он наблюдал за нами мгновение, после чего без всяких видимых мышечных сокращений, просто выстрелил прямо в воздух. В следующую секунду он вцепился в ствол дерева на высоте шести футов от земли так плотно, словно был к нему приклеен. Он ненадолго там задержался, смотря на нас удивленными золотыми глазами, после чего оттолкнулся своими длинными задними ногами, вращаясь в воздухе так, что приземлился на другое дерево в двадцати футах, прилипнув к его стволу. Здесь он остался на пару минут, а затем ему надоело наше внимание, и он скрылся в лесу, совершая потрясающие и абсолютно бесшумные прыжки также легко, как если бы он двигался по ровной поверхности.

Позже во время нашего пребывания, я выглянул из нашего номера и увидел трех сифака прыгающих как мячи по всему двору. Выйдя наружу, я стоял под небольшим деревом около четверти часа, наблюдая в бинокль, как они прыгали на далеких деревьях. Потом, когда я уже был готов вернуться в дом, я взглянул вверх и там, к моему удивлению, находилось пять

сифака развалившихся вдоль ветвей над моей головой. Они лежали в непринужденных позах, поглядывая на меня серьезными золотыми глазами, и их длинные ноги свисали в воздухе. Время от времени кто-нибудь из них дотягивался до крошечного листка, деликатно срывал его и изящно отправлял в свой рот. То, что они не считают меня опасным, льстило мне. Я думаю, что они нашли меня немного скучным и, возможно, немного хамоватым, поскольку я ходил вокруг того дерева, разглядывая их со всех сторон. Но для меня это было большим удовольствием находиться так близко к этим очаровательным существам, иметь возможность их рассматривать и заставить их относиться ко мне так, как будто меня там и не было.

Позже в день нашего приезда мы отправились в заповедник. Единственный путь через лес изменил де Олме, вырезав ряд широких троп по всей площади леса, как дорожки в английском лесу. Это не только позволит вам добраться к нужному месту быстрее, но также позволит вам определить своё местоположение на местности, поскольку в такого рода месте можно легко заблудиться. Мы обнаружили, что здесь также были небольшие группы сифака, но большую часть популяции лемуров составляла стая из примерно двадцати особей более сильных кошачьих лемуров. Хотя эти лемуры и бродили по лесу, но они также нашли дороги полезными. Было забавно смотреть, как они степенно вышагивают по дороге, останавливаясь, чтобы подобрать семена или насекомых. Их в черных и белых кольцах хвосты тряслись в сухом воздухе как странные смешные гусеницы. Как и сифака, кошачьи лемуры полностью игнорировали нас, и мы сидели среди деревьев в окружении кормящихся лемуров, которые считали нашу группу частью леса. Таким образом, мы могли видеть, как они метили свою территорию либо с помощью аромата железы у основания хвоста, либо, делая зарубки на коре ветвей и стволов деревьев острыми роговыми шпорами на запястьях, которые также производят запах. Некоторые старые деревья сократили свою высоту до трех метров от сотен стесываний, как будто кто-то вырезал узор перочинным ножом.

Это было замечательное ощущение, когда над вами через лес перемещаются сифака и кошачьи лемуры (более наземные животные), идущие вокруг вас. Там также были и другие обитатели леса.

Множество красивых крупных коршунов собрались искупаться на песчаной отмели, которая лежала под мерцающей рябью шоколадного цвета реки. Искупавшись, они летели к одиноко стоящим очень большим сухим тамариновым деревьям на краю леса, где они гирляндами располагались на ветвях, словно украшения. Расправив крылья и взъерошив перья, они сушили их под горячими солнечными лучами. По

Процессия кошачьих лемурув гуляет по дороге в Беренти.

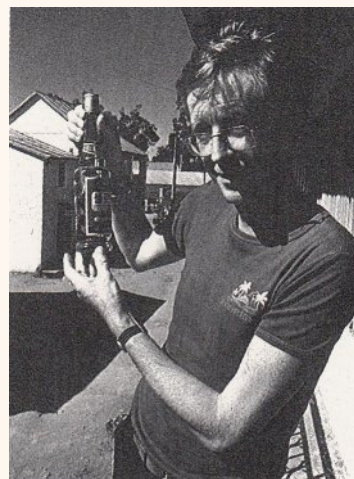
пути можно было увидеть и услышать мадагаскарских фоди, прячущихся в мрачных уголках леса, и поющих восхитительные песни. Красные пятна на их груди, похожие на капли крови, позволяли им выделиться в тени. Также там водились большие длиннохвостые наземные мадагаскарские кукушки и хохлатые мадагаскарские кукушки, размером с европейскую кукушку, с серо-голубым оперением, а также дьявольски чёрные мадагаскарские кукушки с ярко-рыжими крыльями, благодаря которым лес наполнялся журчащим гомоном. Также там водятся полутораметровые желтые и черные змеи, похожие на ожившие школьные галстуки, хамелеоны самых разных обликов, украшенные гребнями, рогами и другими украшениями. А также большое количество своеобразных насекомых. Ли наша, самое известное среди них - малагасийского «шипящего» таракана. Он был большой светло-коричневый, покрытый шипами, толстый и круглый, размером с лимон, прекрасно вооруженный против своих врагов. Кроме того, у них есть трюк, который может заставить отступить более робких хищников. Собираясь вместе, они издают громкий звеняще-свистящий шум, похожий на тот, который издает внезапно поднятый с рельс игрушечный паровозик. Этот звук настолько неожиданный и громкий, что вы инстинктивно вздрагиваете, как и любое другое испуганное существо.

Наше время в заколдованных лесах Беренти оказалось слишком коротким, и мы должны были следовать дальше к Ролану на северо-запад, где он хотел показать нам «свой» лес - заповедник с одним из малагасийских названий, о которое можно сломать челюсть — Анкарафандика. Это сухие лист-

Красная вспышка
отмечает собой
прекрасного
мадагаскарского фоди,
который сидит среди
ветвей и поет свою
прекрасную песню.

венные тропические леса, изучением которых занимались Ролан и его студенты из Университета Мадагаскара. Поэтому мы вернулись в Антананариву (куда, казалось, вели все дороги) и отправились дальше в нашем микроавтобусе забитом оборудованием и людьми. Наш путь занял пятнадцать часов изнурительной езды по экстремальным дорогам. Сначала наш маршрут лежал через холмистую возвышенность сельской местности - сильно эродированную и открытыми участками красной земли. Тут и там в долинах были разбросаны квадраты воды, обрамленные изумрудно-зеленым цветом, обозначающих рисовые поля, поверхность которых отражало голубое небо. Много раз в течение дня мы замедлялись или останавливались из-за огромных стад зебу, которых гнали на рынок. Их копыта, поднимали бледно-розовые клубы пыли, которые плавали большим облаком в неподвижном, залитом солнцем воздухе. Мы остановились на обед в крошечной и очень живописной деревне. Маленькие, коричневые кирпичные дома с их крутыми скатами крыш придавали поселению с любопытным названием Гензель-и-Гретель тирольскую атмосферу. Ресторан был в огромном открытом помещении на втором этаже, где мы подкреплялись восхитительным крабовым супом и рамазавой. Рамазава – это что-то вроде малагасийского ирландского рагу, которое подают с рисом, содержащего говядину и курицу. Это был вкусный и сытный обед, но, к сожалению, Джон, который подхватил заболевание живота на Маврикии ничего не смог съесть. В качестве компенсации я купил для него бутылку рисового бренди, сделанного в Корее, с целыми настоящими гадюками, плавающими в её глубинах. Видимо этот отвратительный напиток пользуется популярностью у китайского населения Мадагаскара. Джон был очень горд этой бутылкой, и скорее из-за эгоистических побуждений, он отказался сделать глоток из неё, чтобы мы могли засвидетельствовать силу этого напитка. Мы чувствовали уверенность, что его глоток мог бы расправиться с любым вирусом от которых он страдал.

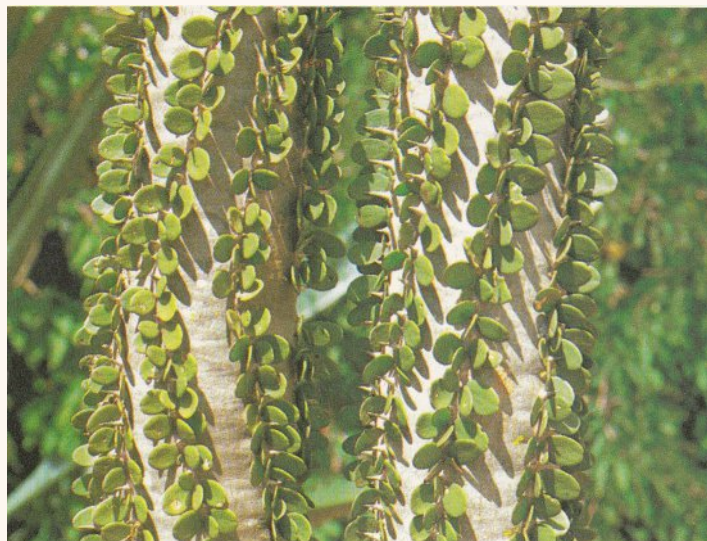
Рептилии в бутылке: Джон Хартли держит в руках отвратительную настойку на рисовой водке.

Усталые путники отдыхают в
малагасийском лесу.

Наконец мы прибыли в деревню Ампижороа у подножия небольшого склона, где находился лесной заповедник. Мы нашли огромную, красивую рощу, где и разбили лагерь. На рассвете следующего дня деревья вокруг наших палаток были наполнены прекрасным птичьим хором. Птицы занято охотились в освещенных светом верхушках деревьев в поиске насекомых. Я заметил, что часть леса, где мы так беззаботно расставили наши палатки, была на самом деле самым опасным местом из-за деревьев очень грозного вида, стволы которых были полностью покрыты толстыми шипами, острыми как иголки, каждый около двух дюймов в длину. Они делали продвижение среди деревьев опасным, потому, что, если ты идешь среди них, то автоматически кладешь руки на ствол дерева, чтобы не упасть и немедленно твои руки раздражаются. Но хуже всего, было, не задумываясь, прислониться к колючему стволу, когда пытаешься устоять во время наблюдения за верхушками деревьев в бинокль. И рубашка, и спина страдали из-за этого поступка.

В утро нашего прибытия я был занят тем, что уворачивался от шипов и пытался понаблюдать за птицами, когда

Пышный сифака на дереве.

Опасность леса: острые шипы покрывающие стволы деревьев опасная помеха для опрометчивых путешественников.

прекрасная какофония мурлыкающего ворчания раздалась недалеко от меня, и я услышал свист ветвей. Продвигаясь так быстро, как только мог, через лес, я вскоре оказался ниже деревьев, в которых кормились лемуры. Вскоре они покинули эти деревья, и совершили удивительную вещь. Они проскочили сквозь ветви в мою сторону и, добравшись до места наблюдения, они остановились и посмотрели вниз на меня. Я увидел, что это были сифаки, но другой и более красивый подвид, чем тот, в который я влюбился в Беренти. Эти казались более кремовые, внутренние предплечья и бедра были насыщенного блестящего каштанового цвета. Это была красивая комбинация цветов, которая делала их очень красивыми и эффектными. Что заинтересовало меня, когда я увидел, была их молчаливость. Не считая того взрыва песни, они вели себя тихо-тихо. Только когда они прыгали на тонкую ветку, которая прогибалась под их весом, она «свистела» и напоминала об их присутствии. Они напоминали молчаливые облака, которые плыли сквозь лес, совершая огромные прыжки от дерева к дереву. Я решил, что хоть сифаки из Беренти и были чудесны, но эти со своей яркой окраской были действительно красивее.

Позже в этот же день мы возобновили наш путь по склону и, следуя песчаными дорожками между деревьями, мы вскоре достигли хорошо оборудованного лагеря Ролана в чаще леса. Здесь он нам объяснил, чем он и его студенты из университета занимались. Они фактически пытались составить портрет леса. Была выбрана определенная площадка. Затем ее поделили на манер шахматной доски, расчистив ряды узких дорожек. Каждая дорожка имела свой номер, который соответствовал номеру на карте. Таким образом, где бы ты ни оказался в лесу, ты видел номер, прислоненный к дереву на пересечениях, и, сравнивая его с картой, точно определял, где находишься. Это было как в поговорке: вы поворачиваете налево на Елисейских полях, идете по Старой Бонд-стрит и еще

раз поворачиваете налево на Сорок второй улице. Каждый из созданных сетью небольших дорожек квадратов детально изучался. Растения, насекомые, рептилии вносились в каталог. Птицы, попавшие в ловчие сети, окольцовывались и выпускались. Были даже ловушки для листьев: специально построенные коробки, в которые попадали падающие листья. Так можно было оценить их плотность и, следовательно, может быть установлен их вклад в образование гумуса подлеска.

Кроме того, группы лемуров, которые живут в этом странном сухом лиственном тропическом лесу, изучаются с помощью нового оружия. В арсенале современного ученого появился пистолет с дротиком. Он напоминает очень аристократическую версию пневматической винтовки, которая стреляет в свою цель шприцом для подкожных инъекций с находящимся в нем транквилизатором. Вы направляете его в бок животного, дротик входит в тело и в течение минуты или около того животное приходит в бессознательное состояние и падает с дерева в ваши сети или, в некоторых случаях, в ваши распростертые объятия. После этого животное получает небольшой радиоошейник, который закрепляется на его шее. А потом, когда животное оправится, оно будет выпущено в месте поимки. Чувствуя себя не хуже чем до поимки, и, по-видимому, не зная о своем ошейнике, оно направляется обратно, чтобы присоединиться к своим товарищам (если это семейный вид) или продолжает своё одинокое существование. Но чтобы оно не сделало, каждое его движение будет сопровождаться небольшим радиосигналом ошейника, который его регулярно посылает, а затем ловится передвижным аппаратом с антенной. Короткие электрические сигналы указывают, где находится животное, когда и где оно передвигается, и эти передвижения отмечаются на карте. Так гуляя по лесу с вашим радиоприемником с минимальной сложностью можно отследить стаю лемуров и изучить их повадки.

Здесь обитало два вида, которым Ролан хотел надеть ошейник. Ему пришлось отложить поимку до нашего приезда, чтобы мы могли пронаблюдать и снять весь процесс. Поэтому после обеда мы разошлись по лесу в поисках групп сифака и примерно после часа поисков мы нашли одну, которая наслаждалась сиестой в группе деревьев. Когда мы собрались ниже них, то они следили за нами с глубоким интересом и полным отсутствием страха. Ролан, вооруженный пистолетом с дротиком, тщательно прицелился в сифака и выстрелил. Раздался слабый хлопок, похожий на шум, производимый старомодным пугачом, и дротик попал одному из лемуру точно в бедро. Животное резко подпрыгнуло, но больше от неожиданного шума пистолета. Он, по-видимому, даже не заметил дротик с ярко окрашенным оперением, торчащий из его бедра. Через минуту или около того его глаза, казалось, увеличились насколько это было возможно, и он начал мигать и раскачиваться. Постепенно его голова склонялась вперед, его руки и ноги, которыми он держался за ветви, расслабились, и он соскользнул вниз, где мы осторожно поймали его, прежде чем он ударился о землю. Он оказался милым созданием. Появилась возможность рассмотреть его вблизи, что являлось редкой привилегией. Его мех был густой, мягкий и пушистый, каштаново-красного цвета, который был более выраженным на руках и ногах. Руки и ноги были прекрасно приспособлены для хватания, а кожа была черной и такой мягкой, что любая женщина могла бы позавидовать такой бархатистой текстуре. Его огромные глаза с красивым оттенком бронзовых хризантем были широко открыты, но смотрели невидяще - животное было полностью без сознания. Ролан быстро зафиксировал маленький кожаный ошейник с передатчиком на шее. Затем мы поместили животное в сумку и оставили его в прохладном тенистом месте, чтобы оно восстановилось. Через пару часов он ожил достаточно, чтобы быть освобожденным, после чего, немного пошатываясь, он забрался на деревья, чтобы воссоединиться со своими товарищами, не подозревая, что его передатчик заполнил приемник Ролана постоянной чередой пронзительного «попискивания».

Шерстистый лемур – авахи.
Ночной лемур со
светящимися в лучах
факела глазами.

Наша вторая охота происходила в темноте с использованием головных фонарей. Ее целью был один из самых маленьких ночных лемуров, который называется авахи – шерстистый лемур. (На самом деле существует семь разных видов лемуров в этом большом и важном лесу, но ограниченность по времени позволила нам увидеть только два из них). Нам повезло, потому что мы прошли небольшое расстояние по лесу, когда заметили пару шерстистых лемуров, сидящих вместе в зарослях лиан. В их глазах светилось отражение лучей наших фонарей. Хотя найти их было легко, попасть в лемуров дробиками оказалось намного сложнее из-за много-

численных мерцающих теней, порожденных светом фонарей, да и сами лемуры не способствовали нам в охоте. Они нас не боялись, но были очень подвижными и перепрыгивали с дерева на дерево. Тем не менее, после нескольких безуспешных выстрелов Ролан наконец попал и очень скоро лемур оказался в наших руках. Это было очаровательное существо размером с крупную домашнюю кошку с густой серо-зеленой шерстью, бледно-серым животом, рыжевато-розового цвета хвостом и серой маской на лице, от которой его глаза смотрели на вас как две золотые гиней. Его округлую голову, подчеркивали аккуратные маленькие уши, глубоко погребенные в меху головы. Снова я был поражен прекрасно приспособленными руками и ногами, и прежде всего их шелковистой мягкостью. Можно подумать, что животное, которое тратит свое время на прыганье и беганье по деревьям с грубой корой, должно иметь мозолистые и грубые руки. На самом деле они были бесконечно мягкими, как попка ребенка. Вскоре шерстистый лемур с его ошейником был выпущен обратно в лес, и мы оставили авахи в его ночной жизни.

Жаль, что наше время в Анкарафанцике было ограничено, и мы должны были поднажать на газ, так как было много других интересных и причудливых мест Мадагаскара, которые мы хотели посетить, а также множество других странных существ, с которыми мы хотели бы встретиться.

Нуси-Комба
и танец
крокодила

Без сомнения, одним из самых засушливых, наиболее враждебных и самых фантастических мест обитания, населенное нежными видами животных, какое я когда-либо видел, были обширные Колючие леса южной части Мадагаскара. Конечно, это не лес в общепринятом смысле этого слова, потому что он состоит из нескольких гигантских растений встречающихся только на Мадагаскаре, напоминающих чем-то кактусы в других частях мира. Преобладающим видом в лесу является аллюодия (*Alluaudia procera*). Она имеет массивный ствол, от которого фонтаном вверх отходят ряды длинных, гибких, зеленых, похожих на пальцы, ветвей, которые достигают высоты около семидесяти пяти футов. Каждая из этих удивительных эластичных ветвей покрыта маленькими, круглыми, мясистыми зелеными листьями размером с ноготь вашего большого пальца. Они растут рядами вокруг ветви, и между каждым листом располагается длинная и острая, как игла сосны в один дюйм длиной, и очень жесткая, как сталь, иголка. У земли под этим смертельным навесом есть много других низкорастущих видов, каждый вооруженный его собственной, тщательно развитой, батареей шипов. Есть один восхитительный вид, который похож на округлые, длинные зеленого цвета пластиковые трубки, соединенные вместе и усыпанные иголками. Растение выглядит жестким, но легко ломается, источая белое молочное вещество, которое может ослепить вас, если попадет на глаза. Этот странный зеленый пейзаж был разновидностью леса, который писатель-фантаст разместил бы на некоторых отдаленных планетах, таких как Марс или Венера. Вы не бы подумали, что такие существа как лемуры приспособились к жизни в таких недоброжелательных зеленых колючих сплетениях, но это так.

Мы поехали в небольшой поселок, специализирующийся на разведении крупного рогатого скота, под названием Хазофотси по костодробильной дороге. После путешествия через малагасийскую сельскую местность мы чувствовали себя потрепанными, и вскоре без видимого перехода погрузились в Колючий лес. Ухабистая дорога побежала через сомкнутые ряды аллюодии, с предостерегающе поднятыми к небу ко-

лючими ветвями с блестящими на солнце, как янтарные иглы, шипами, и рядами мелких мясистых листьев, которые выглядели нефритовыми на фоне горячего синего неба.

Я полагаю, что мы проехали около шести или семи миль по этому странному лесу, когда замедлили ход, чтобы избежать особенно большой выбоины, и услышали знакомый, грубый, поющий крик. Мы остановились и вышли на пыльную дорогу. Прислушавшись, в подлеске у дороги мы вновь услышали этот крик. Он был похож на крик сифака, но я был уверен, что такие изящные, акробатические, древесные млекопитающее не могут существовать здесь. Но я оказался не прав. Я тихонько направился в матовые, тенистые заросли, а затем прошел под огромной аллюодией, которая выглядела как оружие, разработанное испанской инкизицией, и снова подождал позывы животных. Разговаривая только шепотом и, подождав около десяти минут, я отвел взгляд и, к своему удивлению, обнаружил, что в шести футах прямо над нашими головами в ветвях находилась группа из шести сифака, с интересом смотрящих на нас своими большими золотыми глазами. Невероятно, но они хватались за колючие ветви без видимого дискомфорта, и, когда они увидели, что мы их заметили, то убежали в серии умопомрочительных прыжков, приземляясь достаточно жестко на ветви аллюодии, сгибая их и не обращая внимания на шипы, словно они были сделаны из резины. Я видел очень много животных в различных частях мира, живущих в суровой среде обитания, но никто не сравнится с этими животными.

Мы поехали дальше и к вечеру приехали к пыльному, полуразрушенному скоплению хижин и загонов. Это было Хазафотси. Мы разбили лагерь чуть поодаль от деревни на берегу небольшого высохшего ручья. На следующее утро, когда мы проснулись, глава поселения приехал к нам в гости, принеся бутылку свежего теплого молока зебу к нашему завтраку. Потом мы отправились изучать лес и вскоре столкнулись с другими его жителями. Именно Ли обнаружила гнездо из листьев втиснутых в колючую, покрытую виноградной лозой, расщелину между ветвями аллюодии. Она нашла длинную ветку без шипов и мягко коснулась ею гнезда. В следующий

Удивительный пейзаж из деревьев аллюдии в обширном Колючем лесном массиве южной части Мадагаскара.

Необычный пузатый баобаб девять видов которых произрастает на Мадагаскаре.

момент там появились два крошечных и восхитительно выглядящих существа, меньше, чем недавно родившиеся котята. Их мех был пепельного цвета, так что их длинные пушистые хвосты были похожи на клубы дыма. У них были почти прозрачные розово-серые уши, огромные водянистые карие глаза, и изящные небольшие руки и ноги. Это были мышинные лемуры – самые маленькие из приматов: три зверька могут с удобством разместиться в чашке для чая и при этом останется достаточно места для нескольких кусочков сахара. Они взобрались наверх своего дома и уставились на нас огромными глазами, похожие на карликовых сов. Решив, что мы можем представлять для них угрозу, они убежали в лес, как миниатюрные артисты балета, совершая сверхъестественные пируэты, словно танцуя в комнате полной рапир. Позже мы нашли еще несколько таких гнезд, но ни одно из них не было жилым.

Однажды в лесу мы нашли и сфотографировали странный вид черепахи – паучью черепаху. Это странное животное на краю своего панциря имеет щитки с торчащими шипами, таким образом очень хорошо соответствуя окружению Колючего леса. Местами, среди бронированных рядов аллюодий, появлялись поляны и здесь росли баобабы. Это одно из самых необычных и привлекательных деревьев Мадагаскара, с огромным пузатым серебристым стволом и глупым небольшим скоплением маленьких, скрученных, покрытых зелеными листьями ветвей, которые выглядят словно очень плохо продуманный и несоразмерный парик на очень крупную женщину. На Мадагаскаре растет девять видов этого толстого и смешно выглядящего дерева, в то время как в Африке встречается только один. В некоторых частях леса мы встречали стволы погибших баобабов, которые были срублены и их пуза вскрыты так, чтобы крупный рогатый скот мог жевать ствол для извлечения воды, которая была накоплена в них. Было очень угнетающе смотреть на стволы деревьев, поскольку они росли веками, чтобы вырасти и были срублены за день, чтобы дать немногим больше ведра воды для вездесущих и разрушающих зебу. Кроме того, это был один из больших мадагаскарских заповедников, где была запрещена

вырубка деревьев, также как и выпас скота. Но когда мы обнаружили, что этот огромный заповедник охраняется (если можно так сказать), одним мужчиной, который жил в тридцати милях отсюда и не имел транспорта для патрулирования заповедника, мы были не удивлены, что местные жители относятся к использованию этой скудной территории с недостаточным уважением. Смотря на живые баобабы, их пузатые стволы, размером с небольшую комнату, их идиотские маленькие скручены ветви на фоне неба, я вспомнил африканскую легенду, согласно которой баобаб выглядел также, как и другие деревья. Но потом он обидел Бога, за что Он в Своем проклятье, вырвал дерево из почвы и пересадил его корнями вверх. Вот почему баобабы имеют такие скрученные ветви – на самом деле они являются корнями.

Когда ночь опустилась на лес, он наполнился шумом насекомых и пульсирующим светом от зеленоватых светлячков. Именно тогда мы услышали странный жуткий визг другого вида лемуров ведущего только ночной образ жизни – тонкотелого лемура (лепилемура). Ролан хотел поймать одного такого лемура, чтобы надеть на него радиоошейник, с целью изучения его перемещения. Но в Колочем лесу передвижение было затруднено и было сложно сделать точный выстрел дротиком из пистолета, поэтому мы были вынуждены использовать другие методы. К нам присоединились два дюжих молодых охотника из Хазофотси, вооруженных длинными шестами на конце которых были прикреплены веревочные петли. Таким способом малагасийцы охотились на тонкотелых лемуров с незапамятных времен.

Мы отправились с нашими факелами через лес, наши лучи света освещали странные ветви аллюодий, так, что казалось, что мы совершали наш путь через какой-то таинственный мрачный пруд с чудовищного размера сорняками. Мы слышали визги тонкотелых лемуров вокруг себя, и вскоре наши охотники заметили одного из них. Его глаза блестели красным светом в лучах наших факелов. В то время как мы ослепили его нашими огнями, охотники всё ближе и ближе подносили концы своих шестов к загипнотизированному существу, после чего набросили петлю на его голову. Затем они сильно рванули шесты и животное с петлей на шее, цепляясь за шест, запротестовало такому обращению резким, оглушительным криком, от которого кровь стыла в жилах. Охотники быстро опустили его на землю, где Ролан ловко надел ему радиоошейник. Через пару минут мы отпустили животное и лемур скрылся прочь в аллюодиях, не задевая ветви, словно он улепетывал среди бела дня, издавая стонущие крики унижения, которое мы ему причинили, заставив его страдать.

Близкий осмотр руки тонкотелого лемура показывает противопоставленные большой и указательный пальцы, дающие максимальную захватывающую мощность этим подвижным созданиям.

Я увидел тонкотелого лемура в свете факела, но этого света недостаточно, чтобы рассмотреть окраску животного, и я был в восторге, когда на следующий день Ролан наткнулся на тонкотелого лемура в доступном месте, сумел попасть в него дротиком и надеть ошейник. Это дало мне возможность внимательно рассмотреть его. Он был в половину размера большой кошки и его мягкий серый мех был настолько плотным, что казалось, будто он был обрезан. Бледные уши были расположены недалеко друг от друга и погружены в мех головы, глаза были огромными, цвета календулы, слегка выпуклые. Большие пальцы на руках и ногах были противопоставлены указательным пальцам, тем самым давая максимальную мощность захвата, а нежные кончики каждого пальца были выдавлены в небольших круглые диски, которые выглядели как присоски. Эти мягкие подушечки играли роль тормозного механизма. Когда животное перепрыгивало с одного дерева на другое, эти подушечки притормаживали их посадку. Любопытным, но не совсем понятным фактом у тонкотелых лемуров является его огромная слепая кишка. Эта часть кишечника, от которого отрастает аппендикс, у людей небольших размеров. Но из-за жесткого и волокнистого рациона из листьев аллюодий, слепая кишка у тонкотелых лемуров огромна по сравнению с её размером у человека. На самом деле, если бы человек имел такой же большой и в тех же пропорциях слепой кишечник, можно с уверенностью говорить, что для того, чтобы его наполнить, ему бы понадобилось три желудка вместо одного.

После нескольких увлекательных дней, проведенных в невероятно суровой, но красивой местности, мы отправились на север посетить место, которое сильно отличается от предыдущего - пышный тропический остров Нуси-Комба, который лежит среди искрящегося синего моря у северо-западного побережья Мадагаскара. Мы были особенно взволнованы посещением Нуси-Комбы не только потому, что это был остров. Этот остров является домом для особого вида лему-ров, который был священным для островитян, как и многие виды лему-ров на Мадагаскаре в свое время, и таким образом зарабатывал для себя иммунитет от уничтожения. Сейчас, к сожалению, большая часть убеждений в магическую силу лему-ров исчезла, кроме удаленных мест, таких как этот остров.

Открывающийся вид на
красоты Нуси-Комбы

Был замечательный день, когда мы отправились в путь на нашей моторной лодке. Отполированное солнцем море было окутано в бледно-васильковый цвет. Из него с определенными промежутками вырывались, как выстреливающие в воздух ракеты, летучие рыбы, образуя своими поникшими хвостами прямые линии вдоль поверхности моря. После каких-то двух часов мы могли видеть появившиеся возвышения Нуси-Комба, покрытые дождевым тропическим лесом, словно мхом, с десятками оттенков зеленого и красновато-коричневого цветов. Мы обогнули мыс и подплыли к вытянутому золотому пляжу с пальмами, среди которых мы могли рассмотреть деревенские хижины. Лодочный двигатель замер, и в наступившей тишине мы дрейфовали к берегу, пока не встали на короткий якорь. Мы выгрузили еду, которую привезли с собой в лодке, поскольку никогда нельзя приезжать без нее на небольшой отдаленный остров, иначе станете обузой для его жителей, ограниченных в продовольствии. Как только мы приблизились к пляжу, раздался шум барабанов, нос лодки с мягким хрустом уткнулся в песок и мы шагнули в теплое море. Вся деревня, одетая в разноцветные халаты, играющая на барабанах и бренчащая на валихах, вылилась из-за деревьев на пляж, чтобы поприветствовать нас. Это напоминало большую движущуюся цветочную клумбу, настолько красочными и яркими были их костюмы. Старейшие женщины деревни, которым по их виду было далеко за восемьдесят, выделили меня из группы, предполагая, что мои седые волосы и полнота делают меня ее лидером. Затем начались совместные танцы на пляже с элементами хулы. Ли и Джон также были приглашены молодым деревенским денди и грудастой девицей, и, таким образом, за непродолжительное время мы буквально протанцевали наш путь в деревню в окружении улыбающихся, хлопающих в ладоши и танцующих людей. Это было одно из самых теплых и дружеских приветствий, которое я когда-либо видел в различных уголках мира. А мои танцы были встречены с большим благоволением и восторгом, словно я был Фредом Астером.

Дети острова устроили экспедиции шумный прием на пляже в Нуси-Коме.

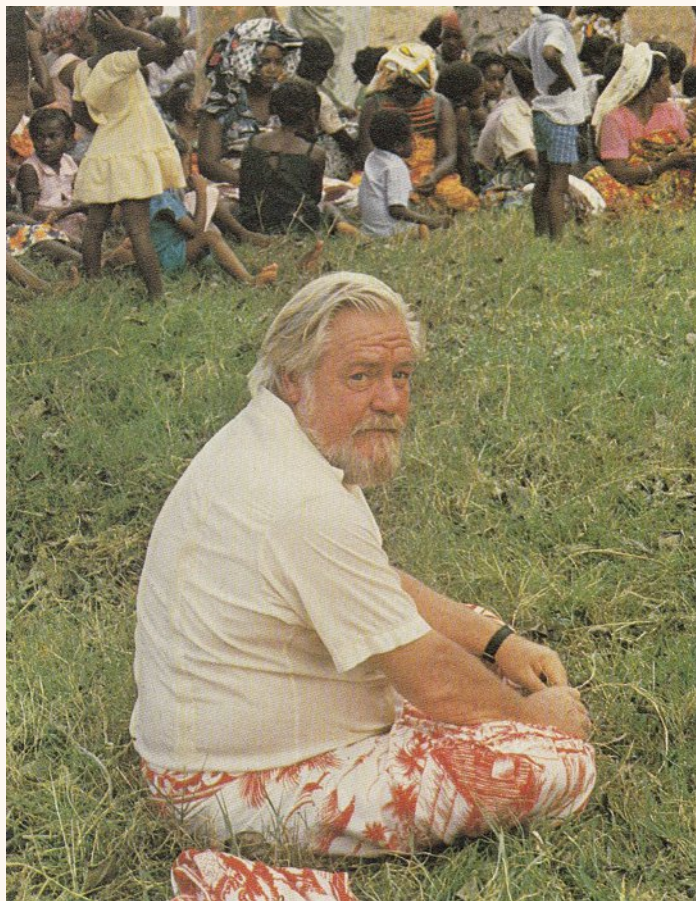
В то время как жители деревни приступили к приготовлению привезенной еды, мы, вооружившись бананами, направились к окраине деревни, чтобы проведать священных лемуров. Это черные лемуры (или лемуры макако) и их история весьма любопытна. Согласно легенде, сотни лет назад малагасийский король, пришел в Нуси-Комба и сделал его своим королевством. Среди множества вещей и движимого имущества он привез с собой несколько черных лемуров в качестве питомцев для своих детей. Естественно, как животные королевских наследников, они были наделены священным статусом, и никто не мог им досаждать. В соответствии с этим благотворным режимом лемуры процветали, а для удовле-

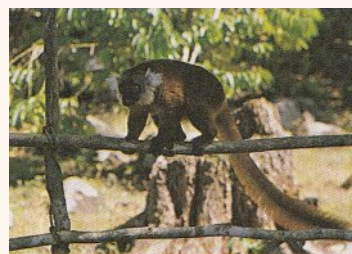
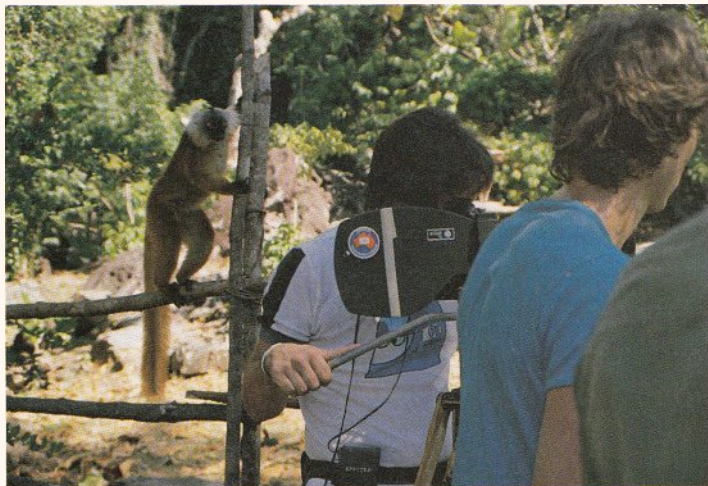

творения их желаний был нанят смотритель лемурув, который следил за тем, чтобы животные ни в чем не нуждались. Со временем члены королевской семьи умерли, но священный культ лемурув сохранился, как и пост смотрителя лемурув, который до сих пор передается от родителя к сыну или дочери. Сейчас хранителем лемурув была красивая, застенчивая девушка лет двадцати. Она держала толстого коричневого любопытного детеныша на руках. Мы дали ей небольшую, положенную сумму денег, необходимую для содержания лемурув, а она провела нас в лес на окраине деревни. В тени больших деревьев она остановилась и позвала, но на самом деле в этом не было необходимости. Яркоглазые лемуры уже заметили нас и заполнили окружающие деревья, двигаясь к нам вдоль ветвей, издавая громкое мурлыканье и подняв хвосты вверх. С первого взгляда непосвященный человек мог бы подумать, что они представлены двумя видами - так сильно отличаются самцы и самки по внешнему виду. Самцы были дьявольски черные с головы до хвоста, и на этом темном мехе их желтые глаза смотрелись как одуванчики на лугу. Самки были бисквитно-коричневыми, с бледными серебристо-бежевыми оттенками, разбросанных по всему телу. У обоих полов мех вокруг лица рос длинным, рваным елизаветинским воротником, который придавал им неопрятный и немного вульгарный вид.

Они пригласили нас в свое королевство с большой доброжелательностью и отсутствием снисходительности. Они просто вышли из-за деревьев и окружили нас, издавая свое громкое мурлыканье, стоя на задних лапах, тянули нас за штанины или руки, выпрашивая бананы. Когда раздавали эти щедрые подарки, то они становились более взволнованными и даже более смелыми, поднимались по нашим рукам, чтобы усесться на наших плечах или головах, ссорились друг с другом из-за фруктов. Один крупный самец, черный как грозное облако, решил, что самая удобная позиция была наверху кинокамеры. Он вскарабкался по штативу и сел на верхней части камеры, а его хвост, толщиной со шнурок, свисал над объективом, что сделало съемку невозможной.

На острове царили
чрезвычайное миролюбие и
окружавшая атмосфера
счастья.

Любопытные лемуры
Нуси-Комбы.

Через некоторое время, когда щедрые дары из бананов закончились, королевские лемуры заскучали с нами и отступили к большим тенистым деревьям на краю леса, по которым они маршировали вверх и вниз, размахивая хвостами, либо возлежали, распластавшись на ветвях, и их руки и ноги болтались в воздухе. Некоторые начали спать, пока другие старательно ухаживали за их телом. Было замечательно видеть их лежащими в пятнистой тени, расслабленными и не боящимися людей, и знать, что они могут войти в деревню и шествовать по ней без вреда. Здесь на идиллическом острове человек и животное пришли, чтобы жить вместе без злобы и неприязни. Нам хотелось бы, чтобы всем лемурам по всему Мадагаскару было предоставлено это право.

К тому времени, как мы окончили нашу аудиенцию у лемунов, жители деревни готовили праздник. Пока мы любовались лемурами, до нас доносился слабый грохот, равномерный как сердцебиение. Это были три молодые девочки, которые собрались вокруг большой деревянной ступки, и с помощью деревянных пестиков удаляли шелуху у риса, который мы привезли. Ритмично, как в танце, их тяжелые пестики поднимались и опускались, а так как каждый пестик был разных размеров и массы, то каждый из них издавал свой звук, словно они били в церковные колокола. Поэтому наша еда была приготовлена ритмичными трехнотными курантами в виде ступки и пестиков. И какое замечательное блюдо было с рыбой, курицей и мясом зебу, сложенными на огромных горах риса, который к счастью, никогда не было внутри пакета или супермаркете. Серое, как дым, очень вкусное блюдо с прекрасным ореховым ароматом, вязко цеплялось к зубам. Затем были желтые, как шафран, бананы, золотистые и сочные манго, и ломти белого как снег свежего кокоса. Чтобы запить эту обильную трапезу, было пиво, различные безалкогольные напитки и пальмовое вино. Последнее выглядело и пилось как немного кислая ячменная вода, было обманчиво мягким, но действовало как удар мула. После такого ужина, что может быть еще кроме пения и танцев? И люди начали ритмично хлопать в ладоши, сформировав ударные инструменты.

Исполнялись многочисленные изящные танцы, а потом начала танец и моя восьмидесятилетняя подружка и, несмотря на обильную пищу и пальмовое вино (а может быть и из-за этого), я присоединился к ней. Я не уверен, как назывался этот танец, но это был танец обольщения и оставлял многое для воображения. В разгар танца мой саронг, который я надел на праздник, грациозно сполз на мои лодыжки, таким образом придав финальный штрих танцу, который бы, я в этом уверен, очаровал бы доктора Фрейда и добавил бы много нового к его учению о человеческом поведении.

Мой неожиданный партнер по танцу: одна из старейших жительниц главной деревни на острове.

Следующий танец был гораздо более энергичным и трудным, и назывался «крокодилий танец». Это был и довольно печальный танец, так как осознаешь, что последние крокодилы на этой территории были истреблены около ста пятидесяти лет назад. Танец наглядно передавал движения животного, которое ни один из жителей деревни, возможно и не видел.

Вначале саронг или кусок ткани были положены в центре круга, состоящего из жителей деревни, образующих танцевальный зал. Затем два человека, которые должны были совершать танец (оба мужчины), легли на животы напротив друг друга. Они подняли свои тела над землей на ладонях рук и пальцах ног. В этом неудобном положении они начали двигаться по траве, совершая небольшие прыжки. Наконец один из них достиг ткани и схватил ее зубами, продолжая этим судорожным способом двигаться назад. Другой «крокодил» преследовал его по горячим следам и схватил другой конец ткани. Тогда последовало перетягивание ткани, которое продолжалось до тех пор, пока один из крокодилов не исчерпал свои силы и не упал на лицо. Джон, который не знал танцевального искусства, решил, что, как герпетологу, танец крокодила предназначался для него, и, к восторгу собравшихся, он опустил свое долговязое тело на землю и бросил вызов победившему крокодилу. В результате все были в приступе радости. Джон начал в хорошем темпе и даже схватил ткань, но потом руки и пальцы ног начали уставать, и в придачу, его очки начали запотевать и спадать так, что он не мог видеть, где находился его противник. Но через полчаса, когда силы Джона покинули его, жители дали понять своим вниманием, что он был лучшим крокодилом среди всех.

Солнце пряталось за большие группы нежных перистых розовых облаков, кремово-голубое море было спокойным. Мы с неохотой покидали Нуси-Комбу, с его очаровательными людьми и восхитительными гордыми лемурами. Вся деревня, играя на музыкальных инструментах, хлопая в ладоши и исполняя песни, провожала нас до пляжа и оттолкнула нашу лодку. Мы запустили мотор, двигатель взревел и мы заскользили по водной глади. Позади нас разноцветная толпа жи-

Джон Хартли начал исполнять танец крокодила.

телей деревни стояла на берегу моря и махала нам, и сквозь шум двигателя до нас доносились песни и хлопки. Это было волшебное ощущение, иметь привилегией, встретить людей и животных в таком окружении.

Стенания
тропического
леса

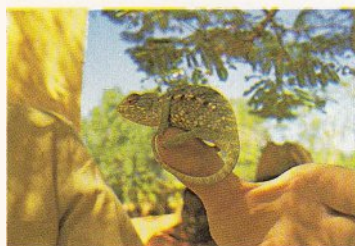
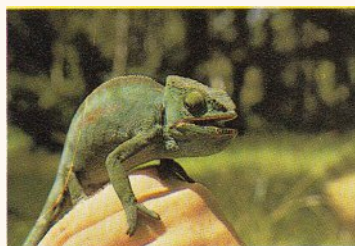

Наше время на Мадагаскаре близилось к концу, а нам очень хотелось увидеть и снять еще две вещи: часть острова, покрытую замечательным тропическим лесом, а также индри, крупнейших и наиболее эффектных среди всех лемурув. К счастью для нас, тропический лес, который мы хотели увидеть, был домом для индри, и поэтому мы отправились из Антананариву в Перинет – маленький лесной заповедник в котором жили индри.

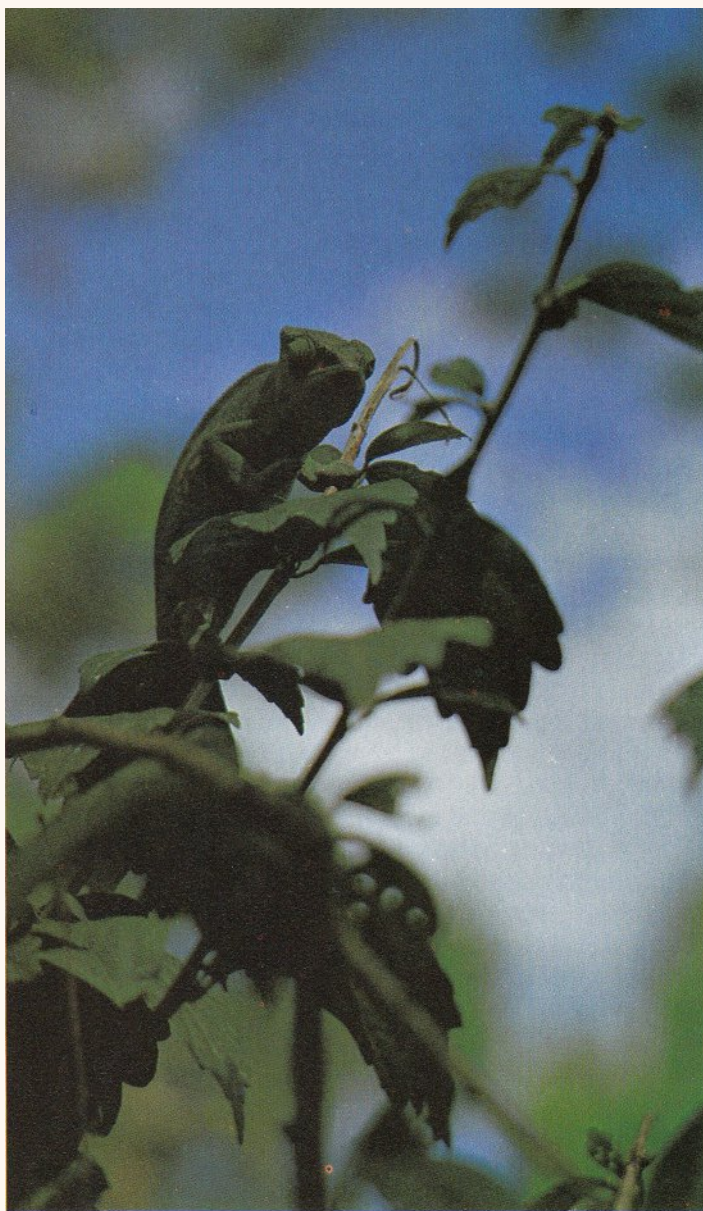
Вначале мы ехали по холмистой возвышенности среди рисовых полей, сверкавших на солнце, но, когда мы спустились, холмистая эродированная возвышенность сменилась очень густым тропическим лесом. Здесь возвышались деревья, ветви которых были покрыты миниатюрными садами эпифитов, а также орхидеями, произрастающих вокруг стволов в змеиных гнездах из переплетенных лиан. Местами лес был проломлен рекой, которая сверкала, пенилась и билась о покрытые мхом камни, здесь и там на берегу группками росли древовидные папоротники, похожие на причудливые и красивые золотисто-зеленые замороженные фонтаны. Именно здесь понимаешь, какой фантастической и богатой является эта страна. На Мадагаскаре каждое дерево или кустарник, которое видишь, растет только на этом острове. Они сформировали удивительную сложную среду обитания для необыкновенных животных. Здесь вы можете найти самого большого и самого маленького хамелеона в мире, живущих бок о бок. Здесь есть плотоядные растения, охотящиеся на насекомых и кактусы, тянущиеся вверх. Здесь есть знаменитые орхидеи с таким глубоким и сложным горлышком, что мотыльки, у которых развились шести дюймовые хоботки, являются единственными насекомыми, которые могут опылить их. Для облегчения этого процесса нежные кремовые звездчатые цветы светятся мерцающим светом во мраке леса как проводники для насекомых к их ароматному чреву. Здесь можно найти жуков и рогатых пауков, таких причудливых форм и цветов, что произведения Фаберже отходят на второй план. Здесь есть бабочки с крыльями больше, чем ваша ладонь, окропленных и затейливо окрашенных, как прекрасные гобелены, персидские ковры или витражи сотен соборов.

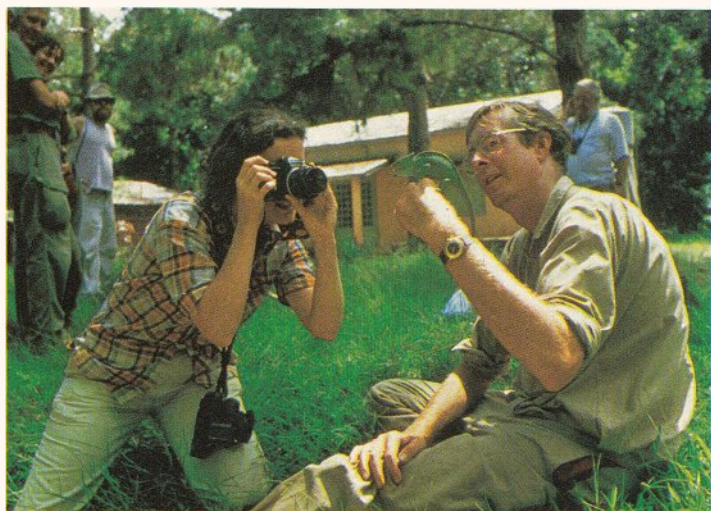
Здесь есть насекомые, которые выглядят, как палочки, и будет простительно, если вы начнете разводить с их помощью огонь, а личинки других насекомых оставляют тонкие белые паутинки, которые выглядят словно цветы, которыми можно попытаться заполнить вазу. Здесь можно увидеть лягушек в ливреях, которые заставят слуг при любом королевском дворе выглядеть однообразно и серо, и вялых хамелеонов, которые меняют цвет медленно и деликатно, словно каждая их маленькая чешуйка была опалом. Далее млекопитающие – странные маленькие плотоядные существа, напоминающие помесь хорька и белки, которые перекликаются мелодичным и красивым свистом, лемуры разных форм и окрасов, ежеподобные тенреки покрытые причудливыми иголками и шерстью. На деревьях вместе с лемурами находится целый арсенал птиц – голуби с голыми, алыми лицами и переливчатыми, как надкрылья жуков, сине-зелеными телами, гигантские мадагаскарские кукушки васильково- и ультрамариново-голубые как кусочки заблудившегося неба в лесном мраке. Птицы с чудовищными клювами, птицы с восхитительными песнями и птицы цвета заката. Все это сокровища тропического дождевого леса Мадагаскара. Но тропический лес, если его продолжать уничтожать, исчезнет в течение сорока лет, или даже раньше этого срока, вместе со всеми этими сокровищами, изменения климат, не борясь с эрозией, оставляя землю и людей обездоленными. Самая важная и единственная цель для малагасийцев, чтобы сохранить эту страну, – сохранение лесов.

После нескольких часов путешествия мы остановились в одной из очаровательных малагасийских деревушек для завтрака. Вкусные запахи доносились до нас из открытых киосков, которые располагались вдоль улицы, а прохладный утренний воздух сверкал всеми цветами в недавно поднявшемся солнцем. Мы пировали по-королевски жареными банановыми булочками и жареными пончиками, пили молоко зеленых кокосов орехов, которое было таким холодными, будто его достали из холодильника. Спустя три часа мы отправились вниз по дороге, вдоль которой выстроились кустарники с поникшими лунно-белыми трубчатыми цветами, и

Любопытные и странные хамелеоны – 45 видов, которых можно встретить только на Мадагаскаре.

вернулись на главную площадь Перинета, застроенную очень ветхими зданиями. На ней господствовал грандиозный по дизайну и конструкции станционный отель – важный перевалочный пункт железной дороги на побережье.

Причина, по которой мы решили не ехать в Перинет на поезде, хотя это и было очень заманчиво для ценителей поездов, состояла в том, что расписание поездов страдало от капризов английской погоды. Было бы очаровательно совершить неспешный и расслабляющий поход, но на него у нас совершенно не было лишнего времени. Однако остановка в железнодорожном отеле была следующей хорошей идеей. Мы были очарованы отелем, как только его увидели. «Потрепанный» - не правильное слово для него. Это был своего рода упадок величия и в этом он был неотразим. «Вот я, - казалось, говорил аристократ - малагасийский Гяр дю Норд, - покинутый здесь оставленный с захватившим меня лесом. Мое здание разваливается, осаждается и вызывает недоумение у поездов, которые прибывают в неверное время. Тем не менее, я приветствую вас таким, каким есть и тем, что могу предложить». И этот чудесный станционный отель может предложить многое. В нем находилась огромная столовая, с выстроившимися в ряд окнами: одни выглядывали на унылую площадь, а другие - на главную платформу и, заросшую

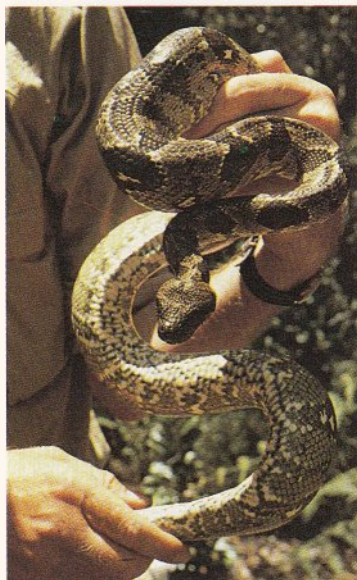

Малагасийский Гяр дю Норд

сорняками, железнодорожную колею. В отеле было множество столов, бар из мореного дуба с колоннами различных пустых бутылок, и массивные дубовые балки над головой, с новомодными люстрами, украшенными цепями и треснувшими плафонами.

Его стены когда-то была раскрашены яркими цветными фресками с изображением малагасийской жизни, но к настоящему времени потускнела и покрылась паутиной и трещинами. Широкая и изысканная лестница, кривая и согнутая от старости, скрипящая и стонущая под тяжестью наших тел, вела на верхние этажи, где были широкие деревянные коридоры. Стены спальни были измазаны темными, как в пещере, пыльными и грязными отпечатками рук, кровати были такими же мягкими как и пересохшие русла рек. В ванных комнатах текла ржавая вода, заполненная личинками комаров, и выглядели они так, словно до этого использовалась для помывки безропотных овец. Снаружи, в зарослях манговых деревьев, пищали и издавали вибрирующие звуки мышинные лемуры, гигантские мотыльки, похожие на китайских воздушных змеев, залетали через окно, а огромные, словно радужные зеленые листья, жуки, забивались под вашу кровать. На что может пожаловаться пылкий натуралист, особенно когда вам оказывает услуги красивый с прекрасными манерами малагасийский управляющий, производящий впечатление метрдотеля Ritz, который проснется в четыре утра, чтобы нарубить дров и разжечь огонь на кухне, чтобы мы могли позавтракать в пять? Где еще в мире вы сможете найти управляющего отеля, который сделает это?

После бессонной, полной зоологических приключений ночи, в пять утра мы, зевая, спустились в столовую и попытались почувствовать себя людьми с помощью горячего кофе и тостов. Потом мы проехали несколько миль вглубь леса во время яблочно-зеленоватого рассвета, среди деревьев оплетенных паутиной в форме круга, размером больше чем колеса телеги, поблескивающими каплями росы. Мы добрались до небольшой группы хижин лесников и обсудили с ее жителями возможность наблюдения и съемок индри. Местные жители обнадежили нас своим рассказом о небольшой группе

Красивый и безобидный
мадагаскарский удав,
которого мы снимали

больших лемуров, которых видели три дня назад в двух милях от хижин. Перед тем, как мы отправились вглубь леса в надежде на удачу, мы попросили местных лесников и их детей (а дети прекрасные звероловы) поймать несколько небольших обитателей леса, чтобы мы могли снять их в фильме.

Путь, который вел в лес, поднимался по крутому склону, в котором лесники вырезали ступеньки и подперли их срубленными бревнами. На вершине он выравнился и извивался через густой лес. Здесь снова встречались большие сверкающие росой паутины, со своими фантастическими обитателями - похожими на крабов пауками с телами размером с чернослив, одетых в малиновый, золотой, белый и желтый цвета, а на концах их брюшка были большие изогнутые украшения, напоминающие миниатюрные рога зебу. Верхушки деревьев были обвиты мотками тумана, который рассеивался от восходящего солнца, а листва была наполнена хором невидимых птиц.

Мы знали, что индри являются аристократами среди лемуров и, как подобает особам благородного происхождения, они редко встают раньше десяти часов, когда туман рассеивается, а лес просыхает и согревается. Затем они медленно передвигаются с дерева на дерево по своей территории, совершая потрясающие прыжки, напоминая кенгуру, питаются свежими зелеными листьями, цветами и побегами, периодически останавливаясь, чтобы очертить границы своего королевства с помощью мощной и красивой песни. Таким образом, мы шли по лесу медленно и спокойно, надеясь найти будуары индри, до того как они поднимутся, и занять позицию для отслеживания их перемещения в оставшуюся часть утра. Но наступило половина десятого, а мы по-прежнему не имели успеха. Мы знали, что если мы не определим местонахождение индри до десяти утра, когда они начнут передвигаться, то будем бродить по всему лесу на удачу целый день, так и не отыскав их.

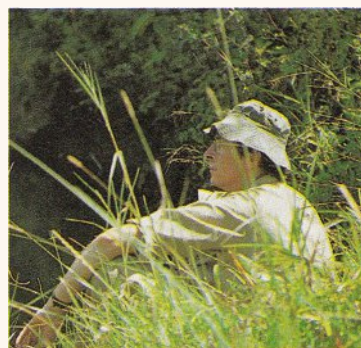
Но, как мы не старались, мы не смогли обнаружить намеченную нами жертву и в одиннадцать часов мы вынуждены были сдаться и вернуться к хижинам лесников. Здесь мы бы-

ли немного утешены небольшими находками, которые были добыты для нас. Среди них два вида хамелеонов. Один как зеленый дракон, чудовищно длинный, как мое предплечье от запястья до локтя, с толстым хвостом, свернутым колесом, напоминающий зеленый екатерининский велосипед, с ногами, похожими на ноги попугая, и дико вращающимися глазами. Другой вид был меньше, обведенный кофейно-коричневой и бледно-белой каймой, с рельефным шлемом на голове, напоминающий бронированный головной убор древнего рыцаря, и зубчатым хребтом вдоль спины. Дети лесников также поймали красивого оливково-зеленого с черным мадагаскарского удава длиной около шести футов. Он оказался очень стговорчивой и обаятельной змеей и позволил нам снять себя со всех возможных ракурсов, ползающего и извивающегося в различных частях леса. Однако после часа съемок, он почувствовал, что сделал достаточно постановочных действий и начал раздраженно шипеть на нас. Мы видели, что он был самым терпеливым и заслужил свою свободу, поэтому отпустили его и снимали то, как он исчезает в лесу.

Другое существо, пойманное детьми, оказалось тем, кого я давно хотел встретить - малагасийская многоножка, или как ее называют в Англии - мокрица. Но в Европе эти безобидные и очаровательные существа достигают размера пухлой огородной горошины, в то время как на Мадагаскаре они вырастают до размера бильярдного шара. Я даже не знаю чем очаровали пигмеи или гигантские экземпляры, но я был в восторге от горсти шариков-многоножек, пойманных детьми. Они были свернуты в клубок. Их покров был прекрасного зеленовато-черного оттенка, каждое сочленение собрано «шарниром» с бледно-желтой полосой. Размером с небольшую сливу, они давали ощущение гладкости, словно отточенные на токарном станке. Помещенные на землю, они оставались некоторое время неподвижными, а затем медленно выпрямлялись, показывая оживший лес ног на нижней части тела. С усилием они установили свое пухлое тело в правильном положении, а затем быстро, с усилием работая ногами, покатали прочь, больше похожие на заводные игрушки, чем на реальные существа.

Мадагаскарская гигантская многоножка, размером с мяч для пинг-понга, лежит на спине с поднятыми вверх ногами.

Джон Хартли безмятежно сидит в лесу Перинета.

В течение трех дней мы бродили по лесам Перинета, так и не найдя индри, и уже начали терять надежду, что снимем их. Как-то, едва различимо, как тень эхо, мы услышали группу индри, поющих за много миль от нас, но это все что было. Мы довольно тщательно рыскали по нашему участку леса, но без успеха. Мы были вынуждены собраться, чтобы обсудить - стоит ли перемещаться на другое место и начинать все заново. Мы решили исследовать наш участок леса ещё раз. Мы снова прошли через наш ритуал – завтрак внизу, восхождение полусонными на склон, после чего с первыми солнечными лучами рыскали по лесу. В десять часов, удрученные, мы собрались у гигантского дерева, служившим ориентиром на нашем пути. Его темно- и светло-зеленые листья обрамляли огромные ветви с пурпурно-розовыми цветками, пылающих на фоне голубого неба. Подавленные, мы пили и ели, обсуждая сложившуюся ситуацию. Из-за нашего графика продолжать поиски было невозможно, мы чувствовали, что нужно переехать в другой район, так как эта область казалась нам бесполезной. Казалось, что мы были обречены не снять индри.

Но потом, как только мы начали паковать, чтобы вернуться в отель, то были поражены, внезапным оглушительным, заставлявшим вибрировать землю, ревом, который разразился прямо над нашими головами. Шум был неопишуемый и заставил лес вибрировать как арфу. Переместившись на более удобную позицию, мы смогли увидеть на высоте тридцати футов над нами, привлекавших своей непринужденностью в солнечном саду из розовых цветов, группу из пяти индри с открытыми ртами, поющих свою территориальную песню. Она была богатая, звучная, как органная музыка, но, как я позже заметил, своим звучанием гораздо больше напоминала таинственные и красивые призывы китов.

Мы не могли поверить своей удаче. Здесь, в наполненном солнечным светом лесу, сидели индри, каждый размером с трехлетнего ребенка, красиво украшенные в черно-белый мех с дико вытаращенными хризантемно-желтыми глазами и косматыми завитками на ушах. В перерывах между раскатистыми песнями они делали паузу, чтобы сорвать листья и набить ими свой розовый рот.

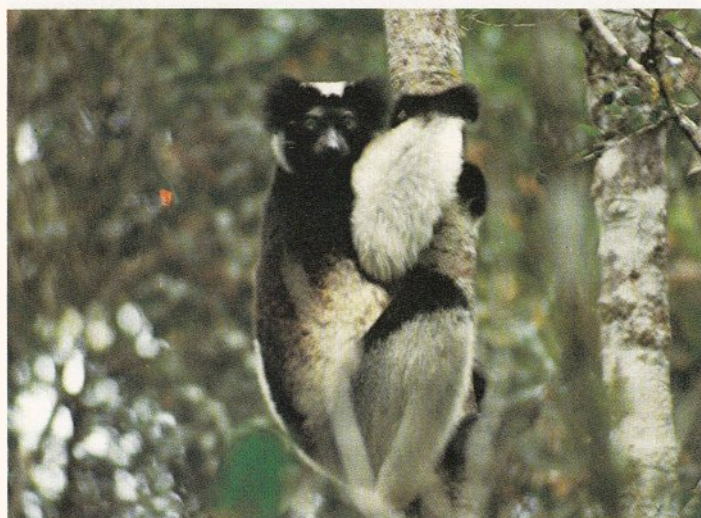
Немного времени спустя, решив, что запасы пищи закончились, они бросились в лес. Это было просто неопишимо. Цепляясь за вертикально торчащие ветви, индри поджимал под себя свои мощные задние лапы, и выстреливали, словно пушистые черно-белые снаряды. Так как они летели задом наперед, им было необходимо перевернуться в воздухе, чтобы приземлиться на другое дерево в правильном положении, а задние ноги при этом смягчали посадку. Кроме длины этих громадных скачков, нас удивляла их бесшумность — эти огромные лемуры передвигались по лесу с большой скоростью, при этом их присутствие выдавал только едва слышимый шелест листьев. Они нас совсем не боялись: они были слишком сосредоточены на поглощении своего завтрака и перевизгивании. Одна самка, обнаружив сочные листья, спустилась на молодое деревце, при этом смешно выглядя, как деревянная игрушечная обезьянка на палочке, и начала кормиться, в двух шагах от земли и в шести шагах от меня и Ли.

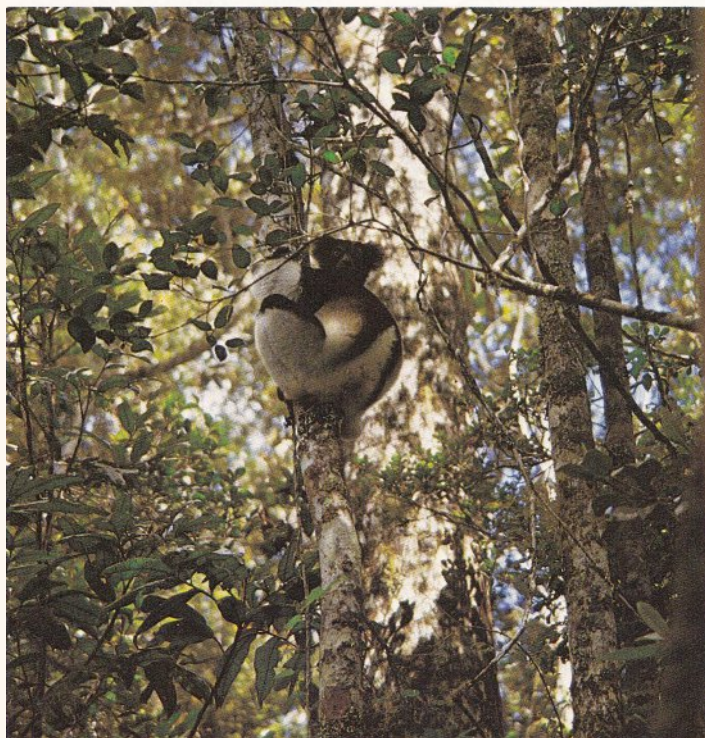
Таким образом, большую часть утра мы следовали за стаей, и, уставшие от нашего внимания, они нырнули в лес и растворились в нем. Хотя моя сердечная привязанность по-прежнему принадлежала сифака, я до глубины души был впечатлен благородством, красотой и смелостью индри. Было большой честью делить мир с такими животными, но как долго это может продолжиться? Если исчезнет лес — а он исчезает — индри исчезнут вместе с ним.

Утром, перед нашим отъездом, я и Ли прогулялись по дороге в направлении леса и застыли на месте, слушая индри, а небо в этот момент превращалось из зеленого в голубое. Их западающая в память, удивительная и скорбная песня достигала нас — жалобная, красивая и печальная. Казалось, это и был настоящий голос леса, настоящий голос мадагаскарской скорби.

Самые большие и самые эффектные среди лемуров – красивые индри, певцы лесов.

Index

- Albignac, Professor Roland, 84,
 96, 100, 102, 103, 104, 112, 113
 Ampijoroa, 98
 Ankarafantsika, 96, 104
 Antananarivo, Madagascar, 81,
 84, 88, 96, 128
 Alluaudia tree, 108, 109, 110,
 111, 112
 Avahi lemur, 103, 104

 Baobab tree, 68, 111, 112
 Black River, Mauritius, 22, 28,
 29, 53
 Berenty, 88, 89, 90, 93, 96, 98

 Cascade Pigeon, 57
 Chameleons, 130, 131
 Cyclone *Monique*, 52, 53
 Corfu, 12
 Chinese guava, 26
 Coua, 94, 129
 Cryptomeria, 25, 26, 28

 De Heulme, Jean, 88, 89, 92
 Dodo, 20, 21, 22, 30, 32, 55
 Dugong, 55, 56
 Durrell, Lee, 12, 20, 22, 32, 39,
 40, 42, 46, 58, 61, 62, 63, 88,
 89, 90, 94, 110, 116, 138

 Elephant bird, 70
 European ivy, 24

 Fort Dauphin (Taolanaïro),
 Madagascar, 88

 Gondwanaland, 69, 70
 Guenther's gecko, 37, 45, 47

 Hartley, John, 20, 28, 29, 32, 39,
 40, 45, 46, 47, 96, 97, 116,
 121, 124
 Hazofotsy, 108, 110, 112
 Hibiscus tree, 63, 64
 Huguenots, 54

 Indri lemur, 70, 128, 131, 132,
 136, 137, 138

 Jackfruit, 58
 Jersey, 13, 20, 22, 28, 29, 32, 36,
 45, 46, 53, 72, 74
 Jersey Wildlife Preservation
 Trust, 13, 20, 21, 22, 36
 Jersey Zoological Park, 13, 43,
 73
 Jones, Carl, 29, 30

 Kew Gardens, 64

 Leguat, François, 54, 55
 Lepilemur, 112, 113
 Les Augrès Manor, 13

 Macaco lemur, 116
 Macaque monkey, 30
 Madagascar, 13, 14, 15, 60, 68,
 70, 72, 76, 82, 88, 90, 96, 104,
 108, 111, 114, 118, 128, 129,
 133, 138
 Madagascar boa, 133, 134
 Madagascar fody, 94, 95
 Malagasy cockroach, 94
 Malagasy fody, 52, 94
 Malagasy pill-millipede, 133
 Mandrare River, 88
 Mascarenes, 13, 14, 15, 20, 22,
 39, 52
 Mauritius, 13, 20, 22, 24, 25, 28,
 29, 30, 54, 56, 58
 Mauritius Government, 22, 28,
 39, 41, 53
 Mauritian kestrel, 29, 30, 31, 32
 Mouse lemur, 70, 110
 Mungroo, Yousoof, 29

 Nosy Komba, 114, 115, 116, 117,
 118, 124

 Orchid, 128
 Owadally, Wahab, 24

 Pamplemousses, Mauritius, 24
 Perinet, 128, 129, 130, 136
 Phelsuma lizard, 30
 Picnic tree, 40, 45
 Pink Pigeon, 22, 25, 26, 27, 28,
 29, 32
 Plaisance Airport, Mauritius,
 22
 Port Louis, Mauritius, 24
 Port Mathurin, Rodrigues, 56
 Pygmy hedgehog tenrec, 72, 73

 Ring-tailed lemur, 12, 74, 75,
 76, 77, 80, 88, 92, 93
 Rodrigues, 13, 52, 54, 55, 56,
 57, 58, 60, 63, 64
 Rodrigues fody, 52, 62
 Rodrigues fruit bat, 22, 53, 57,
 61
 Round Island, 13, 32, 37, 38,
 39, 40, 41, 42, 43, 45, 48
 Round Island boa, 39, 46, 47

 Shearwater, 43, 44
 Sifaka, 90, 91, 92, 93, 98, 99,
 102, 109, 110, 138
 Sisal plants, 88
 Solitaire, 55
 Spider tortoise, 111
 Strangler liana, 24
 Streaked tenrec, 72, 73

 Tamarind tree, 88, 89, 94
 Telfair's skink, 37, 42, 43, 45
The Stationary Ark, 13
 Traveller's palms, 26

 Woolly ruffed lemur, 78, 79

 Zebu, 72, 96, 97, 120, 132
 Zoma market, 81, 82, 83

Acknowledgements

ARK ON THE MOVE,
a thirteen-part television series
A Nielsen-Ferns International Ltd. Production
in association with the Canadian Broadcasting Corporation,
Primetime Television Channel Television
South African Broadcasting Corporation and the
Australian Broadcasting Commission

International Distribution by
Richard Price Television Associates,
Seymour Mews House
Seymour Mews
Wigmore Street
London W1H 9PE
U.K.

PHOTOGRAPHS

Quentin Bloxam
J.B. Carroll
Phillip Coffey
Lee Durrell
John Hartley
Michael Maltby
William Oliver

MAPS

Acorn Technical Art Inc., Toronto

По всему миру сотни видов животных находятся на грани исчезновения из-за прямого или косвенного вмешательства человека.

Уничтожение диких животных все больше и больше угрожает жизненноважному естественному балансу между человеком и окружающей его средой и имеет тяжелые последствия для будущего существования человека и животных на этой планете.

Мы в Тресте Охраны Дикой Природы пытаемся сделать хотябы что-нибудь в этой мрачной ситуации, пока не стало слишком поздно.

Трест полностью посвящен идеи разведения в неволе исчезающих видов как одного из способов обеспечения их выживания. Спасательные операции осуществляются на постоянной основе, чтобы сохранить животных. Мы изучаем их биологию, чтобы узнать как сохранить их в неволе и сбросить в дикой природе.

Как только достаточное количество будет выращено в неволе, их группы могут быть отправлены обратно, чтобы пополнили мировую популяцию. В некоторых случаях, когда численность вида сократилась до горстки экземпляров, эта жизненно важная работа может спасти их от вымирания.

Наша задача убедиться в том, что все меньше видов животных исчезает из нашего мира. Задача безмерна, но мы в Тресте верим, что сможем добиться успеха, если получим поддержку и заинтересованность все большего и большего числа людей. Если вы заинтересовались в помощи сохранения животных и хотели бы получить больше информации о нашей работе в Тресте и живете в США, пожалуйста, напишите мне по адресу:

Wildlife Preservation Trust International
34th Street and Girard Avenue
Philadelphia, PA. 19104

Если Вы живете в другом месте, то пишите мне:

Jersey Wildlife Preservation Trust
Les Augrés Manor
Trinity
Jersey
Chanel Islands

Джеральд Даррелл, один из самых известных натуралистов в мире и автор почти 30 популярных книг, родился в Индии в 1925 году. Его семья вернулась в Англию в 1928 году, но в конечном итоге обосновалась на острове Корфу, где они жили до 1939 года. В это время Даррелл проводил специальные исследования по зоологии и держал большое количество местных диких животных в качестве домашних питомцев. В 1945 году он был зачислен в штат известного зоопарка Уипснейд в Англии в качестве студента-смотрителя, а в 1947 году финансировал, организовал и осуществил экспедицию по отлову животных в Камеруне. С тех пор он побывал и в других экспедициях в Камеруне, Британской Гвиане, Новой Зеландии, Австралии, Малайзии, Сьерра-Леоне, Парагвае и Аргентине. В 1958 году он организовал Джерсийский Международный Трест Охраны Дикой Природы и зоопарк на острове Джерси в проливе Ла-Манш. Там он начал собирать, изучать и размножать исчезающие виды, чтобы гарантировать их максимальное выживание в дикой природе.

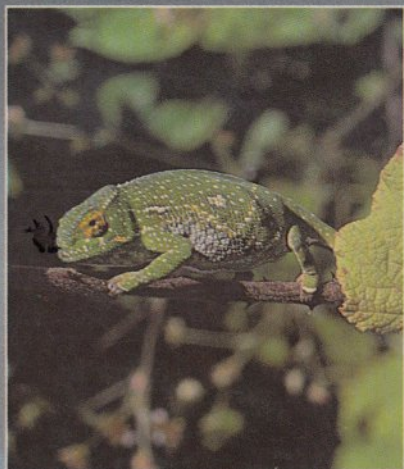
Ли Даррелл выросла в Мемфисе (штат Теннесси) и после окончания колледжа в Брин-Море (Пенсильвания), получила степень доктора наук по зоологии в Дьюкском университете в Северной Каролине, где она также читала лекции по биологии. Она провела специальные исследования по звуковой коммуникации у птиц и млекопитающих, а также социального поведения у млекопитающих.

Lee Durrell

Propithecus lemur

Madagascar chameleon

